

ЯПОНСКИЕ ТРЕХСТИИЯ

ЯПОНСКИЕ ТРЕХСТИИЯ

ЯПОНСКІЕ ТРЕХСТАНИИЯ

ЯПОНСКІЕ ТРЕХСТАНИИЯ

Москва
«Художественная
литература»
1973

МАЦУО БАСЁ

ХОКУ

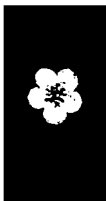
ЯПОНСКИЕ ТРЕХСТИШИЯ

Перевод с японского
ВЕРЫ МАРКОВОЙ

Вступительная статья
и примечания
В. Марковой

Художник
Н. Крылов

ПРЕДИСЛОВИЕ

1

Японское лирическое стихотворение хокку (хайку) отличается предельной краткостью и своеобразной поэтикой.

Народ любит и охотно создает короткие песни — сжатые поэтические формулы, где нет ни одного лишнего слова. Из народной поэзии эти песни переходят в литературную, продолжают развиваться в ней и дают начало новым поэтическим формам.

Так родились в Японии национальные стихотворные формы: пятистишие — танка и трехстишие — хокку.

Танка (буквально «короткая песня») была первоначально народной песней и уже в седьмом-восьмом веках, на заре японской истории, становится законодательницей литературной поэзии, оттеснив на задний план, а потом и совершенно вытеснив так называемые длинные стихи «нагаута» (представленные в знаменитой поэтической антологии восьмого века Манъёсю). Эпические и лирические песни разнообразной длины сохранились только в фольклоре. Хокку отделилось от танки много столетий спустя, в эпоху расцвета городской культуры «третьего сословия». Исторически оно является первой строфой танки и получило от нее богатое наследство поэтических образов.

Древняя танка и более молодое хокку имеют многовековую историю, в которой периоды расцвета чередовались с периодами упадка. Не один раз эти формы находились на грани исчезновения, но выдержали испытание временем и продолжают жить и развиваться еще и в наши дни. Такой пример долголетия не является единственным в своем роде. Греческая эпиграмма не исчезла даже после гибели эллинской культуры, а была принята на вооружение римскими поэта-

ми и поныне сохранилась в мировой поэзии. Таджикско-персидский поэт Омар Хайям создал замечательные четверостишия (рубай) еще в одиннадцатом — двенадцатом веках, но и в нашу эпоху народные певцы в Таджикистане слагают рубай, вкладывая в них новые идеи и образы.

Очевидно, краткие стихотворные формы — насущная потребность поэзии. Такие стихи можно сочинить быстро, под влиянием непосредственного чувства. Можно афористически, сжато выразить в них свою мысль так, чтобы она запоминалась и переходила из уст в уста. Их легко использовать для похвалы или, наоборот, язвительной насмешки.

Интересно отметить попутно, что стремление к лаконизму, любовь к малым формам вообще присущи японскому национальному искусству, хотя оно великолепно умеет создавать и монументальные образы.

Потеснить танку и на время вырвать у нее первенство смогло только хокку, еще более короткое и лаконичное стихотворение, зародившееся в среде простых горожан, которым были чужды традиции старой поэзии. Именно хокку стало носителем нового идейного содержания

и лучше всего сумело откликнуться на запросы растущего «третьего сословия».

Хокку — лирическое стихотворение. Оно изображает жизнь природы и жизнь человека в их слитном, нерасторжимом единстве на фоне круговорота времен года.

Японская поэзия является силлабической, ритмика ее основана на чередовании определенного количества слогов. Рифмы нет, но звуковая и ритмическая организация трехстишия — предмет большой заботы японских поэтов.

Хокку обладает устойчивым метром. В каждом стихе определенное количество слогов: пять в первом, семь во втором и пять в третьем — всего семнадцать слогов. Это не исключает поэтической вольности, особенно у таких смелых поэтов-новаторов, каким был Мацуо Басё¹ (1644—1694). Он иногда не считался с метром, стремясь достигнуть наибольшей поэтической выразительности.

Размеры хокку так малы, что по сравнению с ним европейский сонет кажется монументаль-

¹ Мацуо — фамилия поэта, Басё — его псевдоним.

ным. Оно вмещает в себе считанное количество слов, и тем не менее емкость его относительно велика. Искусство писать хокку — это прежде всего умение сказать многое в немногих словах.

Краткость роднит хокку с народными пословицами. Некоторые трехстишия получили хождение в народной речи на правах пословиц, как, например, стихотворение поэта Басё:

Слово скажу —
Леденеют губы.
Осенний вихрь!

Как пословица оно означает, что «осторожность иногда заставляет промолчать».

Но чаще всего хокку резко отличается от пословицы по своим жанровым признакам. Это не назидательное изречение, короткая притча или меткая острота, а поэтическая картина, набросанная одним-двумя штрихами. Задача поэта — заразить читателя лирическим волнением, разбудить его воображение, и для этого не обязательно рисовать картину во всех ее деталях.

Чехов писал в одном из своих писем брату Александру: «...у тебя получится лунная ночь, если ты напишешь, что на мельничной плотине

яркой звездочкой мелькало стеклышко от разбитой бутылки и покатилась шаром черная тень собаки или волка...»¹

Такой способ изображения требует от читателя максимальной активности, втягивает его в творческий процесс, дает толчок его мысли. Сборник хокку нельзя «пробегать глазами», листая страницу за страницей. Если читатель будет пассивным и недостаточно внимательным, он не воспримет импульса, посланного ему поэтом. Японская поэтика учитывает встречную работу мысли читателя. Так удар смычка и ответное дрожание струны вместе рождают музыку.

Хокку миниатюрно по своим размерам, но это не умаляет того поэтического или философского смысла, который может придать ему поэт, не ограничивает масштаб его мысли. Однако дать многостороннее изображение и пространно, до конца развить свою мысль в пределах хокку поэт, конечно, не может. В каждом явлении он ищет лишь его кульминационный пункт.

Некоторые поэты, и в первую очередь Исса, поэзия которого наиболее полно отражала на-

¹ А. П. Чехов. Полн. собр. соч. и писем, т. 13. М, ОПИЗ, 1947, с. 215.

родное мировоззрение, любовно изображали малое, слабое, утверждая за ним право на жизнь. Когда Исса заступает за светлячка, муху, лягушку, нетрудно понять, что тем самым он встает на защиту маленького, обездоленного человека, которого мог стереть с лица земли его господин — феодал.

Таким образом, стихи поэта наполняются социальным звучанием.

Вот выплыла луна,
И каждый мелкий кустик
На праздник приглашен, —

говорит Исса, и мы узнаем в этих словах мечту о равенстве людей.

Отдавая предпочтение малому, хокку иногда рисовало и картину большого масштаба:

Бушует морской простор!
Далеко, до острова Садо,
Стелется Млечный Путь.

Это стихотворение Басё — своего рода смотровая щель. Прильнув к ней глазом, мы увидим большое пространство. Перед нами откроется Японское море в ветреную, но ясную осеннюю

ночь: блеск звезд, белые буруны, а вдали, на краю неба, черный силуэт острова Садо.

Или возьмем другое стихотворение Басё:

На высокой насыпи — сосны,
А меж ними вишни сквозят, и дворец
В глубине цветущих деревьев...

В трех строчках — три плана перспективы.

Хокку сродни искусству живописи. Они нередко писались на сюжеты картин и, в свою очередь, вдохновляли художников; подчас они превращались в компонент картины в виде каллиграфически выполненной надписи на ней. Иногда поэты прибегали к способам изображения, родственным искусству живописи. Таково, например, трехстишие Бусона:

Цветы сурепки вокруг.
На западе гаснет солнце.
Луна на востоке встает.

Широкие поля покрыты желтыми цветами сурепки, они кажутся особенно яркими в лучах заката. С огненным шаром заходящего солнца контрастирует восходящая на востоке бледная луна. Поэт не рассказывает нам подробно, какой

при этом создается эффект освещения, какие краски на его палитре. Он только предлагает по-новому взглянуть на ту картину, которую каждый видел, может быть, десятки раз... Группировка и выбор живописных деталей — вот в чем основная задача поэта. В колчане у него всего две-три стрелы: ни одна не должна пролететь мимо.

Эта лаконичная манера иногда очень напоминает обобщенный способ изображения, которым пользовались мастера цветной гравюры укиёэ. Разные виды искусства — хокку и цветная гравюра — отмечены чертами общего стиля эпохи городской культуры в Японии семнадцатого — восемнадцатого веков, и это роднит их между собою.

Льет весенний дождь!
По пути беседуют
Зонтик и мино.

Это трехстишие Бусона — жанровая сцена в духе гравюры укиёэ. Двое прохожих беседуют на улице под сеткой весеннего дождя. На одном соломенный плащ — мино, другой прикрывается большим бумажным зонтом. Вот и все! Но в сти-

хотворении чувствуется дыхание весны, в нем есть тонкий юмор, близкий к гротеску.

Часто поэт создает не зрительные, а звуковые образы. Вой ветра, стрекот цикад, крики фазана, пенье соловья и жаворонка, голос кукушки — каждый звук исполнен особого смысла, рождает определенные настроения и чувства.

В лесу звучит целый оркестр. Жаворонок ведет мелодию флейты, резкие крики фазана — ударный инструмент.

Жаворонок поет.
Звонким ударом в чаще
Вторит ему фазан.

(Басё)

Японский поэт не развертывает перед читателем всей панорамы возможных представлений и ассоциаций, возникающих в связи с данным предметом или явлением. Он только будит мысль читателя, дает ей определенное направление.

На голой ветке
Ворон сидит одиноко.
Осенний вечер.

(Басё)

Стихотворение похоже на монохромный рисунок тушью. Ничего лишнего, все предельно просто. При помощи нескольких умело выбранных деталей создана картина поздней осени, Чувствуется отсутствие ветра, природа словно замерла в грустной неподвижности. Поэтический образ, казалось бы, чуть намечен, но обладает большой емкостью и, завораживая, уводит за собой. Кажется, что смотришь в воды реки, дно которой очень глубоко. И в то же время он предельно конкретен. Поэт изобразил реальный пейзаж возле своей хижины и через него — свое душевное состояние. Не об одиночестве ворона говорит он, а о своем собственном.

Воображению читателя оставлен большой простор. Вместе с поэтом он может испытать чувство печали, навеянное осенней природой, или разделить с ним тоску, рожденную глубоко личными переживаниями.

Не мудрено, что за века своего существования старинные хокку обросли слоями комментариев. Чем богаче подтекст, тем выше поэтическое мастерство хокку. Оно скорее подсказывает, чем показывает. Намек, подсказ, недоговоренность становятся дополнительными средствами

поэтической выразительности. Тоскуя об умершем ребенке, поэт Исса сказал:

Наша жизнь — росинка.
Пусть лишь капелька росы
Наша жизнь — и все же...

Роса — обычная метафора бренности жизни, так же как вспышка молнии, пена на воде или быстро опадающие цветы вишни. Буддизм учит, что жизнь человека кратка и эфемерна, а потому не имеет особой ценности. Но отцу нелегко смириться с потерей любимого ребенка. Исса говорит «и все же...» и кладет кисть. Но само его молчание становится красноречивей слов.

Вполне понятно, что в хокку есть недоговоренность. Стихотворение состоит всего из трех стихов. Каждый стих очень короток в противоположность гекзаметру греческой эпиграммы. Пятисложное слово уже занимает целый стих: например, хототогису — кукушка, киригирису — сверчок. Чаще всего в стихе два значащих слова, не считая формальных элементов и восклицательных частиц. Все лишнее отжимается, отсеивается; не остается ничего, что служит только для украшения. Даже грамматика в хокку

особая: грамматических форм немного, и каждая несет на себе предельную нагрузку, иногда совмещающая несколько значений. Средства поэтической речи отбираются крайне скупо: хокку избегает эпитета или метафоры, если может без них обойтись.

Иногда все хокку целиком — развернутая метафора, но ее прямое значение обычно скрыто в подтексте.

Из сердцевины пиона
Медленно выползает пчела...
О, с какой неохотой!

Басё сложил это стихотворение, расставаясь с гостеприимным домом своего друга.

Было бы, однако, ошибкой в каждом хокку искать подобный двойной смысл. Чаще всего хокку — конкретное изображение реального мира, не требующее и не допускающее никакого другого толкования.

Поэзия хокку была новаторским искусством. Если с течением времени танка, отдалившись от народных истоков, стала излюбленной формой аристократической поэзии, то хокку стало достоянием простого люда: купцов, ремесленников,

крестьян, монахов, нищих... Оно принесло с собой простонародные выражения и жаргонные слова. Оно вводит в поэзию естественные, разговорные интонации.

Местом действия в хокку стали не сады и дворцы аристократической столицы, а бедные улицы города, рисовые поля, большие дороги, лавки, харчевни, постоянные дворы...

«Идеальный», освобожденный от всего грубого пейзаж — так рисовала природу старая классическая поэзия. В хокку поэзия вновь обрела зрение. Человек в хокку не статичен, он дан в движении: вот уличный разносчик бредет сквозь снежный вихрь, а вот работник вертит мельницу-крупорушку. Та пропасть, которая уже в десятом веке легла между литературной поэзией и народной песней, стала менее широкой. Ворон, долбящий носом улитку на рисовом поле, — образ этот встречается и в хокку, и в народной песне.

Канонические образы старых танок уже не могли вызвать того непосредственного чувства изумления перед красотой живого мира, которое хотели выразить поэты «третьего сословия». Нужны были новые образы, новые краски. Поэ-

ты, так долго опиравшиеся только на одну литературную традицию, обращаются теперь к жизни, к реальному окружающему их миру. Старые парадные декорации убраны. Хокку учит искать скрытую красоту в простом, незаметном, повседневном. Прекрасны не только прославленные, много раз воспетые цветы вишен, но и скромные, незаметные на первый взгляд цветы сурепки, пастушьей сумки, стебелек дикой спаржи...

Внимательно взглядишь!
Цветы пастушьей сумки
Увидишь под плетнем.
(Басё)

Хокку учит ценить и скромную красоту простых людей. Вот жанровая картинка, созданная Басё:

Азалии в грубом горшке,
А рядом крошит сухую треску
Женщина в их тени.

Это, наверно, хозяйка или служанка где-нибудь в бедной харчевне. Обстановка самая убогая, но тем ярче, тем неожиданней выделяют-

ся красота цветка и красота женщины. В другом стихотворении Басё лицо рыбака на рассвете напоминает цветущий мак, и оба они одинаково хороши. Красота может поражать, как удар молнии:

Едва-едва я добрел,
Измученный, до ночлега...
И вдруг — глициний цветы!
(Басё)

Красота может быть глубоко скрыта. В стихах хокку мы находим новое, социальное переосмысление этой истины — утверждение красоты в незаметном, обыденном, и прежде всего в простом человеке из народа. Именно таков смысл стихотворения поэта Кикаку:

Вишни в весеннем цвету
Не на далеких вершинах гор —
Только в долинах у нас.

Верные жизненной правде, поэты не могли не видеть трагических контрастов в феодальной Японии. Они чувствовали разлад между красотой природы и условиями жизни простого человека. Об этом разладе говорит хокку Басё:

Рядом с цветущим вьюнком
Отдыхает в страду молотильщик.
Как он печален, наш мир!

И, как вздох, вырывается у Исса:

Печальный мир!
Даже когда расцветают вишни...
Даже тогда...

В хокку нашли отзвук антифеодальные настроения горожан. Увидев самурая на празднике цветущей вишни, Кёрай говорит:

Как же это, друзья?
Человек глядит на вишни в цвету,
А на поясе длинный меч!

Народный поэт, крестьянин по происхождению, Исса спрашивает детей:

Красная луна!
Кто владеет ею, дети?
Дайте мне ответ!

И детям придется задуматься над тем, что луна на небе, конечно, ничья и в то же время общая, потому что красота ее принадлежит всем людям.

В книге избранных хокку — вся природа Японии, исконный уклад ее жизни, обычаи и

верования, труд и праздники японского народа в их самых характерных, живых подробностях.

Вот почему хокку любят, знают наизусть и сочиняют до сих пор.

2

Некоторые особенности хокку можно понять, только познакомившись с его историей.

С течением времени танка (пятистишие) стала четко делиться на две строфы: трехстишие и двустишие. Случалось, что один поэт слагал первую строфу, второй — последующую. Позднее, в двенадцатом веке, появились стихи-цепи, состоящие из чередующихся трехстиший и двустиший. Эта форма получила название «рэнга» (буквально «нанизанные строфы»); первое трехстишие называлось «начальной строфой», японски «хокку». Стихотворение рэнга не имело тематического единства, но его мотивы и образы чаще всего были связаны с описанием природы, причем с обязательным указанием на время года.

Рэнга достигла наивысшего расцвета в четырнадцатом веке. Для нее были разработаны точные границы времен года и четко определена сезонность того или иного явления природы. Появились даже стандартные «сезонные слова», которые условно обозначали всегда один и тот же сезон года и в стихотворениях, описывающих иное время года, уже не употреблялись. Довольно было, например, упомянуть слово «дымка», и каждый понимал, что речь идет о туманной поре ранней весны. Число таких сезонных слов достигало трех-четырёх тысяч. Так, слова и сочетания слов: цветы сливы, соловей, паутинка, цветы вишен и персиков, жаворонок, бабочка, вскапывание поля мотыгой и другие — указывали на то, что действие происходит весной. Лето обозначалось словами: ливень, кукушка, высадка рисовой рассады, цветущая павлония, пион, прополка риса, жара, прохлада, полуденный отдых, полог от moskitов, светлячки и прочие. На осень указывали слова: луна, звезды, роса, крик цикад, уборка урожая, праздник Бон, красные листья клена, цветущий кустарник хаги, хризантемы. Зимние слова — это морозящий

дождь, снег, иней, лед, холод, теплая одежда на вате, очаг, жаровня, конец года.

«Долгий день» означал весенний день, потому что он кажется особенно длинным после коротких зимних дней. «Луна» — осеннее слово, потому что осенью воздух особенно прозрачен и луна сияет ярче, чем в другое время года.

Иногда время года для ясности все же называлось: «весенний ветер», «осенний ветер», «летняя луна», «зимнее солнце» и так далее.

Начальная строфа (хокку) часто бывала лучшей строфой в составе рэнги. Начали появляться отдельные сборники образцовых хокку. Эта форма стала новой популярной разновидностью литературной поэзии, унаследовав многие особенности рэнги: строгую приуроченность к определенному времени года и сезонные слова. От шуточной рэнги¹ хокку заимствовало ее широкий словарь, каламбуры, простоту тона. Но долгое время оно не отличалось еще особой

¹ Шуточная рэнга — популярная в среде горожан разновидность рэнги; в ней встречались приемы пародии, игра слов, просторечия.

идейной глубиной и художественной выразительностью.

Трехстишие прочно утвердилось в японской поэзии и обрело подлинную емкость во второй половине семнадцатого века. На непревзойденную художественную высоту поднял его великий поэт Японии Мацуо Басё, создатель не только поэзии хокку, но и целой эстетической школы японской поэтики. Стихи Басё и ныне, по прошествии трех веков, знает наизусть каждый культурный японец. О них создана огромная исследовательская литература, свидетельствующая о самом пристальном внимании народа к творчеству своего национального поэта.

Басё совершил переворот в поэзии хокку. Он вдохнул в нее жизненную правду, очистив от поверхностного комизма и шуток шуточной рэнги. Сезонные слова, которые были в рэнге формальным, безжизненным приемом, стали у него поэтическими образами, полными глубокого значения.

Лирика Басё раскрывает перед нами мир его поэтической души, его чувства и переживания, но в стихах его нет камерности и замкнутости. У лирического героя поэзии Басё есть конкрет-

ные приметы. Это поэт и философ, влюбленный в природу родной страны, и в то же время — бедняк из предместья большого города. И он не отделим от своей эпохи и народа. В каждом маленьком хокку Басё чувствуется дыхание огромного мира. Это искры большого костра.

Для понимания поэзии Басё необходимо знакомство с его эпохой. Лучший период его творчества приходится на годы Гэнроку (конец семнадцатого столетия). Период Гэнроку считается «золотым веком» японской литературы. В это время Басё создавал свою поэзию, замечательный романист Ихара Сайкаку писал свои повести, а драматург Тикамацу Мондзаэмон — пьесы. Все эти писатели в той или иной мере были выразителями идей и чувств «третьего сословия». Творчество их реалистично, полнокровно и отличается удивительной конкретностью. Они изображают жизнь своего времени в ее красочных подробностях, но не опускаются до бытовщины.

Годы Гэнроку были, в общем, благоприятны для литературного творчества. К этому времени японский феодализм вступил в последнюю фазу своего развития. После кровавых междоусобиц, раздиравших Японию в средние века, наступил

ло относительное умиротворение. Династия Токугава (1603—1868) объединила страну и установила в ней строгий порядок. Отношения между сословиями были точнейшим образом регламентированы. На верхней ступени феодальной лестницы находилось воинское сословие: крупные феодалы — князья и мелкие феодалы — самураи. Торговцы официально были политически бесправны, но на самом деле представляли собой большую силу ввиду роста товарно-денежных отношений, и нередко князья, занимая у ростовщиков деньги, попадали к ним в зависимость. Богатые купцы соперничали в роскоши с феодалами.

Большие торговые города — Эдо (Токио), Осака, Киото стали центрами культуры. Высокого развития достигли ремесла. Изобретение печатания с деревянной доски (ксилография) удешевило книгу, в ней появилось множество иллюстраций, получил распространение и такой демократический вид искусства, как цветная гравюра. Книги и гравюры могли теперь покупать даже небогатые люди.

Политика правительства способствовала росту просвещения. Для молодых самураев было

учреждено много школ, в которых главным образом изучались китайская философия, история, литература. Образованные выходцы из воинского сословия пополняли ряды городской интеллигенции. Многие из них поставили свои таланты на службу «третьему сословию». К литературе начали приобщаться и простые люди: купцы, ремесленники, иногда даже крестьяне.

Это была внешняя сторона эпохи. Но была у нее и своя темная изнанка.

«Умиротворение» феодальной Японии было куплено дорогой ценой. В первой половине семнадцатого столетия Япония была «закрыта» для иностранцев, и культурные связи с внешним миром почти прекратились. Крестьянство буквально задыхалось в тисках беспощадного феодального гнета и нередко поднимало рогожные знамена в знак восстания, несмотря на жесточайшие карательные меры со стороны правительства. Была введена система полицейского надзора и сыска, стеснительная для всех сословий.

В «веселых кварталах» больших городов сыпалось дождем серебро и золото, а на проезжих дорогах разбойничали голодные люди; повсюду

бродили толпы нищих. Многие родители были вынуждены бросать на произвол судьбы своих маленьких детей, которых они не могли прокормить.

Басё не раз был свидетелем подобных страшных картин. Поэтический арсенал того времени изобилует множеством условных литературных мотивов. Из китайской классической поэзии пришел мотив осенней грусти, навеянный криком обезьян в лесу. Басё обращается к поэтам, призывая их спуститься с заоблачных высот поэзии и взглянуть в глаза правде жизни:

Грустите вы, слушая крик обезьян.
А знаете ли, как плачет ребенок,
Покинутый на осеннем ветру?

Басё хорошо знал жизнь простых людей Японии. Сын мелкого самурая, учителя каллиграфии, он с детства стал товарищем игр княжеского сына — большого любителя поэзии. Басё сам начал писать стихи. После ранней смерти своего молодого господина он ушел в город и принял постриг, освободившись тем самым от службы своему феодалу. Однако Басё не стал настоящим монахом. Он жил в маленьком домике в

бедном предместье Фукагава, близ города Эдо. Хижина эта со всем окружающим ее скромным пейзажем — банановыми деревьями и маленьким прудом во дворе — описана в его стихах. У Басё была возлюбленная. Ее памяти он посвятил лаконичную элегию:

О, не думай, что ты из тех,
Кто следа не оставил в мире!
Поминовения день...

Басё шел трудным путем творческих исканий. Его ранние стихи написаны еще в традиционной манере. В поисках нового творческого метода Басё внимательно изучает творчество китайских классических поэтов Ли Бо и Ду Фу, обращается к философии китайского мыслителя Чжуан-цзы и к учению буддийской секты Дзэн, стремясь придать своей поэзии философскую глубину.

В основу созданной им поэтики Басё положил эстетический принцип «саби». Слово это не поддается буквальному переводу. Его первоначальное значение — «печаль одиночества». Саби, как особая концепция красоты, определило собой весь стиль японского искусства в средние

века. Красота, согласно этому принципу, должна была выражать сложное содержание в простых, строгих формах, располагавших к созерцанию. Покой, притушенность красок, элегическая грусть, гармония, достигнутая скупыми средствами, — таково искусство саби, звавшее к сосредоточенной созерцательности, к отрешению от повседневной суеты.

Творческий принцип саби не позволял изобразить живую красоту мира во всей ее полноте. Такой большой художник, как Басё, должен был неизбежно это почувствовать. Поиски скрытой сущности каждого отдельного явления становились однообразно утомительными. Кроме того, философская лирика природы, согласно принципу саби, отводила человеку роль только пассивного созерцателя.

В последние годы жизни Басё провозгласил новый ведущий принцип поэтики — «каруми» (легкость). Он сказал своим ученикам: «Отныне я стремлюсь к стихам, которые были бы мелки, как река Сунагава (Песчаная река)».

Слова поэта не следует понимать слишком буквально, скорее в них звучит вызов подражателям, которые, слепо следуя готовым образцам,

стали во множестве сочинять стихи с претензией на глубокомыслие. Поздние стихи Басё отнюдь не мелки, они отличаются высокой простотой, потому что говорят о простых человеческих делах и чувствах. Стихи становятся легкими, прозрачными, текучими. В них сквозит тонкий, добрый юмор, теплое сочувствие к людям много видевшего, много испытавшего человека. Великий поэт-гуманист не мог замкнуться в условном мире возвышенной поэзии природы. Вот картинка из крестьянского быта:

Примостился мальчик
На седле, а лошадь ждет.
Собирают редьку.

А вот в городе готовятся к новомуднему празднику:

Обметают копать.
Для себя на этот раз
Плотник полку ладит.

В подтексте этих стихотворений — сочувственная улыбка, а не насмешка, как это бывало у других поэтов. Басё не разрешает себе никакого гротеска, искажающего образ.

Басё шел по дорогам Японии, как посол самой поэзии, зажигая в людях любовь к ней и

приобщая их к подлинному искусству. Он умел найти и пробудить творческий дар даже в профессиональном нищем. Басё проникал иногда в самую глубь гор, где «никто не подберет с земли упавший плод дикого каштана», но, цenia уединение, все же никогда не был отшельником. В странствиях своих он не бежал от людей, а сближался с ними. Длинной чередой проходят в его стихах крестьяне за полевыми работами, погонщики лошадей, рыбаки, сборщицы чайных листьев.

Басё запечатлел их чуткую любовь к красоте. Крестьянин разгибает на миг свою спину, чтобы полюбоваться полной луной или послушать столь любимый в Японии крик кукушки.

Образы природы в поэзии Басё очень часто имеют второй план, иносказательно говоря о человеке и его жизни. Альый стручок перца, зеленая скорлупка каштана осенью, дерево сливы зимой — символы непобедимости человеческого духа. Осьминог в ловушке, спящая цикада на листке, унесенная потоком в о ды, — в этих образах поэт выразил свое чувство непрочности бытия, свои размышления о трагизме человеческой судьбы.

По мере того как росла слава Басё, к нему стали стекаться ученики всех званий. Басё передавал им свое учение о поэзии. Из его школы вышли такие замечательные поэты, как Бонтё, Кёрай, Кикаку, Дзёсо, усвоившие новый поэтический стиль (стиль Басё).

В 1682 году хижина Басё сгорела во время большого пожара. С этого времени он начал свои многолетние странствия по стране, мысль о которых зародилась у него уже давно. Следуя поэтической традиции Китая и Японии, Басё посещает места, прославленные своей красотой, знакомится с жизнью японского народа. Поэт оставил несколько лирических путевых дневников¹. Во время одного из своих путешествий Басё умер. Перед своей кончиной он создал «Предсмертную песню»:

¹ Один из них, наиболее известный, существует в русском переводе: Басё. По тропинкам Севера (лирический дневник XVII века). Перевод с японского, вступительная статья и примечания Н. И. Фельдман. — «Восток», сборник первый, «Литература Китая и Японии». «Academia», 1935, с. 301—342.

В пути я заболел,
И все бежит, кружит мой сон
По выжженным лугам.

Поэзия Басё отличается возвышенным строем чувств и в то же время удивительной простотой и жизненной правдой. Для него не было низменных вещей. Бедность, тяжелый труд, быт Японии с ее базарами, харчевнями на дорогах и нищими — все это отразилось в его стихах. Но мир для него остается прекрасным.

В любом нищем, может быть, таится мудрец. Поэт смотрит на мир влюбленными глазами, но красота мира предстает перед его взглядом подернутой печалью.

Поэзия была для Басё не игрой, не забавой, не средством пропитания, как для многих современных ему поэтов, но высоким призванием всей его жизни. Он говорил, что поэзия возвышает и облагораживает человека.

Среди учеников Басё были самые разные поэтические индивидуальности.

Кикаку, эдоский горожанин, беспечный гуляка, воспевал улицы и богатые торговые лавки своего родного города:

С треском шелка разрывают
В лавке Этигия...
Летнее время настало!

К школе Басё принадлежали поэты Бонтё, Дзёсо, обладавшие каждый своим особым творческим почерком, и многие другие. Кёрай из Нагасаки составил вместе с Бонтё знаменитую антологию хокку «Соломенный плащ обезьяны» («Сару-мино»). Она была издана в 1690 году.

В начале восемнадцатого века поэтический жанр хокку пришел в упадок. Новую жизнь в него вдохнул Бусон, замечательный поэт и художник-пейзажист. При жизни поэт был почти неизвестен, стихи его стали популярными лишь в девятнадцатом веке.

Поэзия Бусона романтична. Часто в трех строках стихотворения он умел рассказать целую новеллу. Так, в стихах «Смена одежды с наступлением лета» он пишет:

Скрылись от господского меча...
О, как рады юные супруги
Легким платьем зимнее сменить!

Согласно феодальным порядкам, господин мог покарать своих слуг смертью за «греховную любовь». Но влюбленным удалось бежать. Сезонные слова «смена теплой одежды» хорошо передают радостное чувство освобождения на пороге новой жизни.

В стихах Бусона оживает мир сказок и легенд:

Юным вельможей
Оборотилась лисица...
Весенний ветер.

Туманный вечер весной. Тускло светит луна сквозь дымку, цветут вишни, и в полумгле среди людей появляются сказочные существа. Бусон рисует только контуры картины, но перед читателем встает романтический образ красавца юноши в старинном придворном наряде.

Нередко Бусон воскрешал в поэзии образы старины:

Зал для заморских гостей
Тушью благоухает...
Белые сливы в цвету.

Это хокку уводит нас в глубь истории, в восьмой век. Для приема «заморских гостей» тогда строились особые здания. Можно вообразить поэтический турнир в прекрасном старинном павильоне. Приехавшие из Китая гости пишут благоухающей тушью китайские стихи, а японские поэты соревнуются с ними на своем родном языке. Перед глазами читателя как будто разворачивается свиток с древней картиной.

Бусон — поэт широкого диапазона. Он охотно рисует необычное: кита в морской дали, замок на горе, разбойника на повороте большой дороги, но он также умеет тепло нарисовать картинку детского интимного мирка. Вот трехстишие «На празднике кукол»:

Коротконосая кукла...
Верно, в детстве мама ее
Мало за нос тянула!

Но помимо «литературных стихов», богатых реминисценциями, намеками на старину, романтическими образами, Бусон умел самыми простыми средствами создавать стихи изумительной лирической силы:

Они прошли, дни весны,
Когда звучали далекие
Соловиные голоса.

Исса, наиболее народный и демократичный из всех поэтов феодальной Японии, создавал свои стихи в конце восемнадцатого — начале девятнадцатого века, на заре нового времени. Исса был выходцем из деревни. Большую часть своей жизни он провел среди городской бедноты, но сохранил любовь к родным местам и крестьянскому труду, от которого он был оторван:

Всем сердцем я чту,
Отдыхая в полдневный жар,
Людей на полях.

В таких словах выразил Исса и свое благоговейное отношение к работе крестьянина, и стыд за свое вынужденное безделье.

Биография Исса трагична. Вся жизнь он боролся с нищетой. Его любимый ребенок умер. Поэт рассказал о своей судьбе в стихах, полных щемящей душевной боли, но в них пробивается также струя народного юмора. Исса был человеком большого сердца: его поэзия говорит о любви к людям, и не только к людям, но и ко

всем маленьким существам, беспомощным и обиженным. Наблюдая потешный бой между лягушками, он восклицает:

Эй, не уступай,
Тощая лягушка!
Исса за тебя.

Но по временам поэт умел быть резким и беспощадным: ему претила всякая несправедливость, и он создавал едкие, колючие эпиграммы.

Исса был последним крупным поэтом феодальной Японии. Хокку потеряли свое значение на многие десятилетия. Возрождение этой формы в конце девятнадцатого века относится уже к истории поэзии нового времени. Поэт Масаока Сики (1867—1902), написавший много интересных работ по истории и теории хокку (или по его, ныне принятой в Японии, терминологии — хайку), и его талантливые ученики Такахама Кёси и Кавахигаси Хэкигодо возродили искусство хокку на новой, реалистической основе.

В наши дни популярность трехстиший еще более возросла. Одно время после второй миро-

вой войны в литературе вспыхнул спор по поводу танки и хокку. Некоторые критики считали их второстепенными, отжившими, уже ненужными для народа формами старого искусства. Жизнь доказала несправедливость этих утверждений. Возросшая литературная активность масс после войны сказалась и в том, что все большее число простых людей сочиняет танки и хокку на самые острые, современные темы.

Хокку постоянно печатаются на страницах журналов и газет. Такие стихи — живые отклики на события дня. В них звучит голос японского народа.

В состав настоящего сборника вошли только хокку позднего средневековья: от Басё до Исса.

Перед переводчиком стояли большие трудности. Старинные хокку не всегда понятны без комментариев даже японскому читателю, хорошо знакомому с природой и бытом своей родной страны. Краткость и недоговоренность лежат в самой основе поэтики хокку.

Переводчик стремился сохранить лаконизм хокку и в то же время сделать их понятными. Надо, однако, помнить, что японское трехстишие обязательно требует от читателя работы воображения, участия в творческом труде поэта. В этом главная особенность хокку. Все растолковать до конца — значит не только погрешить против японской поэзии, но и лишить читателя большой радости вырастить цветы из горсти семян, щедро рассыпанных японскими поэтами.

В. Маркова

ТРЕХСТИШИА

БАСЁ

Отцу, потерявшему сына

Поник головой до земли, —
Словно весь мир опрокинут вверх дном, —
Придавленный снегом бамбук.

Покидая родину

Облачная гряда
Легла меж друзьями... Простились
Перелетные гуси навек.

* * *

Роща на склоне горы.
Как будто гора перехвачена
Поясом для меча.

* * *

Майских дождей пора.
Словно море светится огоньками —
Фонари ночных сторожей.

* * *

Иней его укрыл,
Стелет постель ему ветер...
Брошенное дитя.

* * *

Сегодня «травой забвенья»
Хочу я приправить мой рис,
Старый год провожая.

* * *

В небе такая луна,
Словно дерево спилено под корень:
Белеется свежий срез.

* * *

Желтый лист плывет.
У какого берега, цикада,
Вдруг проснешься ты?

* * *

Все выбелил утренний снег.
Одна примета для взора —
Стрелки лука в саду.

* * *

Как разлилась река!
Цапля бредет на коротких
ножках —
По колено в воде.

* * *

Тихая лунная ночь...
Слышно, как в глубине каштана
Ядрышко гложет червяк.

* * *

На голой ветке
Ворон сидит одиноко.
Осенний вечер.

* * *

Во тьме безлунной ночи
Лисица стелется по земле,
Крадется к спелой дыне.

* * *

Кишат в морской траве
Прозрачные мальки... Поймаешь —
Растают без следа.

Весной собирают чайный лист

Все листья сорвали сборщицы...
Откуда им знать, что для чайных кустов
Они — словно ветер осени!

В хижине, крытой тростником

Как стонет от ветра банан,
Как падают капли в кадку,
Я слышу всю ночь напролет.

В день высокого прилива

Рукава землю запачканы.
«Ловцы улиток» весь день по полям
Бродят, бродят без роздыха.

Ответ ученику

А я — человек простой!
Только выюнок расцветает,
Ем свой утренний рис.

* * *

Ива склонилась и спит.
И кажется мне, соловей на ветке —
Это ее душа.

* * *

Топ-топ — лошадка моя.
Вижу себя на картине —
В просторе летних лугов.

* * *

Далекий зов кукушки
Напрасно прозвучал. Ведь в наши дни
Перевелись поэты.

Стихи в память поэта Сэмпу

К тебе на могилу принес
Не лотоса гордые листья —
Пучок полевой травы.

*Грущу, одинокий, в хижине, похоронив
своего друга — монаха Доккая*

Некого больше манить!
Как будто навеки замер,
Не шелохнется ковыль.

*В доме Кавано Сёха стояли в над-
треснутой вазе стебли цветущей дыни,
рядом лежала цитра без струн, капли
воды сочились и, падая на цитру,
заставляли ее звучать*

Стебли цветущей дыни.
Падают, падают капли со звоном...
Или это — «цветы забвенья»?

* * *

В тесной хибарке моей
Озарил все четыре угла
Луна, заглянув в окно.

Недолгий отдых в гостеприимном доме

Здесь я в море брошу наконец
Бурями истрепанную шляпу,
Рваные сандалии мои.

* * *

Послышится вдруг «шорх-шорх».
В душе тоска шевельнется...
Бамбук в морозную ночь.

На чужбине

Тоненький язычок огня, —
Застыло масло в светильнике.
Проснешься... Какая грусть!

* * *

Ворон-скиталец, взгляни!
Где гнездо твое старое?
Всюду сливы в цвету.

* * *

Встречный житель гор
Рта не разомкнул. До подбородка
Достает ему трава.

* * *

На луну загляделись.
Наконец-то мы можем
вздохнуть! —
Мимолетная тучка.

* * *

Как свищет ветер осенний!
Тогда лишь поймете мои стихи,
Когда заночуете в поле.

* * *

И осенью хочется жить
Этой бабочке: пьет торопливо
С хризантемы росу.

* * *

Цветы увяли.
Сыплются, падают семена,
Как будто слезы...

* * *

Порывистый листовой
Спрятался в рощу бамбука
И понемногу утих.

На Новый год

Сколько снегов уже видели,
Но сердцем не изменились они —
Ветки сосен зеленые!

* * *

Внимательно взглядишь!
Цветы «пастушьей сумки»
Увидишь под плетнем.

Смотрю в окно после болезни

Храма Каннон там, вдалеке,
Черепичная кровля алеет
В облаках вишневых цветов.

* * *

О, проснись, проснись!
Стань товарищем моим,
Спящий мотылек!

Памяти друга

На землю летят,
Возвращаются к старым корням...
Разлука цветов!

* * *

Старый пруд.
Прыгнула в воду лягушка.
Всплеск в тишине.

*Другу, уехавшему в западные
провинции*

Запад, Восток —
Всюду одна и та же беда,
Ветер равно холодит.

Хожу кругом пруда

Праздник осенней луны.
Кругом пруда, и опять кругом,
Ночь напролет кругом!

Кувшин для хранения зерна

Вот все, чем богат я!
Легкая, словно жизнь моя,
Тыква-горлянка.

* * *

Этой поросшей травой
Хижине верен остался лишь ты,
Разносчик зимней сурепки.

* * *

Первый снег под утро.
Он едва-едва пригнул
Листики нарцисса.

* * *

Вода так холодна!
Уснуть не может чайка,
Качаясь на волне.

* * *

С треском лопнул кувшин:
Ночью вода в нем замерзла.
Я пробудился вдруг.

* * *

Базар новогодний в городе.
И мне бы его посетить хоть раз!
Купить курительных палочек.

* * *

Луна или утренний снег...
Любуясь прекрасным, я жил, как хотел.
Вот так и кончаю год.

Уезжающему другу

Друг, не забудь
Скрытый незримо в чаше
Сливовый цвет!

* * *

Эй, мальчишки-пастухи!
Оставьте же сливе немного веток,
Срезая хлысты.

* * *

Морская капуста легче...
А носит торговец-старик на плече
Корзины тяжелых устриц.

* * *

Облака вишневых цветов!
Звон колокольный доплыл... Из Уэно
Или Асакуса?

* * *

В чашечке цветка
Дремлет шмель. Не тронь его,
Воробей-дружок!

* * *

Аиста гнездо на ветру.
А под ним — за пределами
бури —
Вишен спокойный цвет.

* * *

Долгий день напролет
Поет — и не напоется
Жаворонок весной.

Другу, который отправляется в путь

Гнездо, покинутое птицей...
Как грустно будет мне глядеть
На опустелый дом соседа.

* * *

Над простором полей —
Ничем к земле не привязан —
Жаворонок звенит.

* * *

Майские льют дожди.
Где-то лопнул на бочке обод? —
Звук неясный ночной...

Овдовевшему другу

Даже белый цветок на плетне
Возле дома, где не стало хозяйки,
Холодом обдал меня.

* * *

Пойдем, друзья, поглядим
На плавучие гнезда уток
В разливе майских дождей!

* * *

Звонко долбит
Столб одинокой хижины
Дятел лесной.

* * *

Нынче выпал ясный день.
Но откуда брызжут капли?
В небе облака клочок.

* * *

Ветку, что ли, обломил
Ветер, пробегая в соснах?
Как прохладен плеск воды!

* * *

Чистый родник!
Вверх побежал по моей ноге
Маленький краб.

* * *

Рядом с цветущим вьюнком
Отдыхает в жару молотильщик.
Как он печален, наш мир!

В опустевшем саду друга

Он дыни здесь растил.
А ныне старый сад заглох...
Вечерний холодок.

* * *

Вот здесь в опьяненье
Уснуть бы на этих речных камнях,
Поросших гвоздикой...

В похвалу поэту Рика

Будто в руки взял
Молнию, когда во мраке
Ты зажег свечу.

* * *

Как быстро летит луна!
На неподвижных ветках
Повисли капли дождя.

* * *

На ночь, хоть на ночь одну,
О кусты цветущие хаги,
Приютите бродячего пса!

* * *

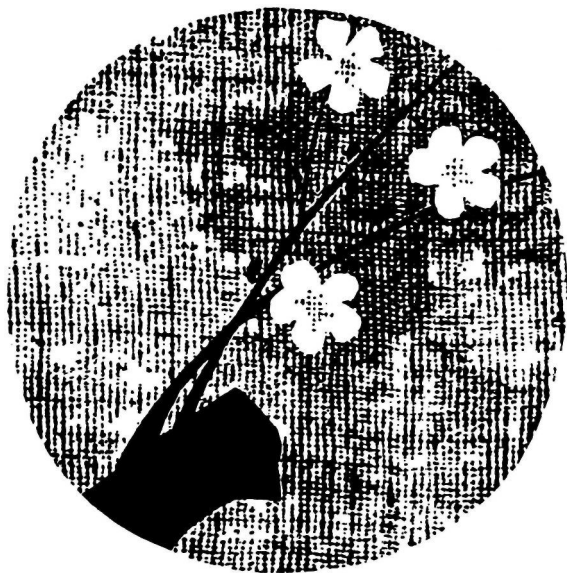
Важно ступает
Цапля по свежему жнивю.
Осень в деревне.

* * *

Бросил на миг
Обмолачивать рис крестьянин,
Глядит на луну.

* * *

Вялые листья батата
На высохшем поле. Восхода луны
Ждут не дождутся крестьяне.

* * *

Снова встают с земли,
Тускнея во мгле, хризантемы,
Прибитые сильным дождем.

* * *

Совсем легла на землю,
Но неизбежно зацветет
Больная хризантема.

* * *

Тучи набухли дождем
Только над гребнем предгорья.
Фудзи — белеет в снегу.

На морском побережье

Весь в песке, весь в снегу!
С коня мой спутник свалился,
Захмелев от вина.

* * *

Мыс Иракодзаки.
Голос коршуна... Что в целом мире
На тебя похоже?

* * *

Ростки озимых взошли.
Славный приют для отшельника —
Деревня среди полей.

* * *

Молись о счастливых днях!
На зимнее дерево сливы
Будь сердцем своим похож.

Дорожный ночлег

Сосновую хвою жгу.
Сушу на огне полотенце...
Зимняя стужа в пути.

На родине

Хлюпают носами...
Милый сердцу деревенский звук!
Зацветают сливы.

* * *

В чарку с вином,
Ласточки, не уроните
Глины комок.

* * *

Под сенью вишневых цветов
Я, словно старинной драмы герой,
Ночью прилег уснуть.

* * *

Вишни в полном цвету!
А рассвет такой, как всегда,
Там, над дальней горой...

* * *

В мареве майских дождей
Только один не тонет
Мост над рекой Сэта.

Ловля светлячков над рекой Сэта

Еще мелькают в глазах
Горные вишни... И чертят огнем
Вдоль них светлячки над рекой.

* * *

Здесь когда-то замок стоял...
Пусть мне первый расскажет о нем
Бьющий в старом колодце родник.

Осенним вечером

Кажется, что сейчас
Колокол тоже в ответ загудит...
Так цикады звенят.

* * *

Как летом густеет трава!
И только у однолиста
Один-единственный лист.

* * *

Словно хрупкий юноша,
О цветы, забытые в полях,
Вы напрасно вянете.

*Смотрю ночью, как проплывают мимо
рыбачьи лодки с корморанами*

Было весело мне, но потом
Стало что-то грустно... Плывут
На рыбачьих лодках огни.

В похвалу новому дому

Дом на славу удался!
На задворках воробьи
Просо радостно клюют.

* * *

Все выюнки на одно лицо.
А тыквы-горлянки осенью?
Двух одинаковых нет!

* * *

Осень уже недалеко.
Поле в колосьях и море —
Одного, зеленого цвета.

* * *

О нет, готовых
Я для тебя сравнений не найду,
Трехдневный месяц!

* * *

Неподвижно висит
Темная туча в полнеба...
Видно, молнию ждет.

* * *

О, сколько их на полях!
Но каждый цветет по-своему, —
В этом высший подвиг цветка!

* * *

Жизнь свою обвил
Вкруг всячего моста
Этот дикий плюц.

На горе «Покинутой старухи»

Мне приснилась давняя быль:
Плачет брошенная в горах старуха,
И только месяц ей друг.

* * *

То другим говорил «прощай!»,
То прощались со мной... А в конце пути
Осень в горах Кисо.

* * *

С ветки скатился каштан.
Тому, кто в дальних горах не бывал,
В подарок его отвезу.

* * *

Только одни стихи!
Вот все, что в «Приют банановый»
Поэту весна принесла.

Другу

Посети меня
В одиночестве моем!
Первый лист упал...

* * *

Кончился в доме рис...
Поставлю в тыкву из-под зерна
«Женской красоты» цветок.

* * *

Еще стоят там и тут
Островками колосья несжатые...
Тревожно кричит бекас.

Поэт Рика скорбит о своей жене

Одеяло для одного.
И ледяная, черная
Зимняя ночь... О, печаль!

В день очищения от грехов

Дунул свежий ветерок,
С плеском выскочила рыба...
Омовение в реке.

* * *

Зимние дни в одиночестве.
Снова спиной прислонюсь
К столбу посредине хижины.

Отец тоскует о своем ребенке

Все падают и шипят.
Вот-вот огонь в глубине золы
Погаснет от этих слез.

Письмо на север

Помнишь, как вместе с тобой
Мы на снег глядели?.. И в этом году
Он, должно быть, выпал опять.

* * *

Срезан для крыши камыш.
На позабытые стебли
Сыплется мелкий снежок.

Ранней весной

Вдруг вижу, — от самых плеч
Моего бумажного платья
Паутинки, зыблясь, растут.

Уступаю на лето свой дом

И ты постояльцев
Нашла весной, моя хижина:
Станешь домиком кукол.

* * *

Весна уходит.
Плачут птицы. Глаза у рыб
Полны слезами.

* * *

Солнце заходит.
И паутинки тоже
В сумраке тают...

* * *

Звон вечернего колокола —
И то здесь, в глуши, не услышишь.
Весенние сумерки.

На горе «Солнечного света»

О, священный восторг!
На зеленую, на молодую листву
Льется солнечный свет.

* * *

Вот он — мой знак путеводный!
Посреди высоких трав луговых
Человек с охапкою сена.

* * *

Сад и гора вдали
Дрогнули, движутся, входят
В летний раскрытый дом.

Крестьянская страда

Полоть... Жать...
Только и радости летом —
Кукушки крик.

* * *

Погонщик! Веди коня
Вон туда, через поле!
Там кукушка поет.

Возле «Камня смерти»

Ядом дышит скала.
Кругом трава покраснела.
Даже роса в огне.

Ветер на старой заставе Сиракава

Западный ветер? Восточный?
Нет, раньше послушаю, как шумит
Ветер над рисовым полем.

*По пути на север слушаю песни
крестьян*

Вот исток, вот начало
Всего поэтического искусства!
Песня посадки риса.

* * *

Майские дожди
Водопад похоронили —
Залили водой.

* * *

Островки... Островки...
И на сотни осколков дробится
Море летнего дня.

На старом поле битвы

Летние травы
Там, где исчезли герои,
Как сновиденье.

* * *

Какое блаженство!
Прохладное поле зеленого риса...
Воды журчанье...

* * *

Тишина кругом.
Проникает в сердце скал
Легкий звон цикад.

* * *

Какая быстрина!
Река Могами собрала
Все майские дожди.

* * *

Трехдневный месяц
Над вершиной «Черное крыло»
Прохладой веет.

* * *

Жар солнечного дня
Река Могами унесла
В морскую глубину.

* * *

«Ворота прилива».
Омывает цаплю по самую грудь
Прохладное море.

* * *

Первая дыня, друзья!
Разделим ее на четыре части?
Разрежем ее на кружки?

* * *

Сушатся мелкие окуньки
На ветках ивы... Какая прохлада!
Рыбачьи хижины на берегу.

* * *

Пестик из дерева.
Был ли он сливой когда-то?
Был ли камелией?

Накануне «Праздника Танабата»

Праздник встречи двух звезд.
Даже ночь накануне так непохожа
На обычную ночь.

* * *

Бушует морской простор!
Далеко, до острова Садо,
Стелется Млечный Путь.

В гостинице

Со мной под одною кровлей
Две девушки... Ветки хаги в цвету
И одинокий месяц.

* * *

Как пахнет зреющий рис!
Я шел через поле, и вдруг —
Направо залив Арисо.

*Перед могильным холмом рано
умершего поэта Иссё*

Содрогнись, о холм!
Осенний ветер в поле —
Мой одинокий стон.

* * *

Красное-красное солнце
В пустынной дали... Но леденит
Безжалостный ветер осенний.

Местность под названием «Сосенки»

«Сосенки»... Милое имя!
Клонятся к сосенкам на ветру
Кусты и осенние травы.

* * *

Сыплются ягоды с веток...
Шумно вспорхнула стая скворцов.
Утренний ветер.

* * *

Равнина Мусаси вокруг.
Ни одно не коснется облако
Дорожной шляпы твоей.

В осенних полях

Намокший, идет под дождем,
Но песни достоин и этот путник,
Не только хаги в цвету.

Шлем Санэмори

О, беспощадный рок!
Под этим славным шлемом
Теперь сверчок звенит.

* * *

Белее белых скал
На склонах Каменной горы
Осенний этот вихрь!

Расставаясь с другом

Прощальные стихи
На веере хотеля написать, —
В руке сломался он.

*В бухте Цуруга, где некогда
затонул колокол*

Где ты, луна, теперь?
Как затонувший колокол,
Скрылась на дне морском.

* * *

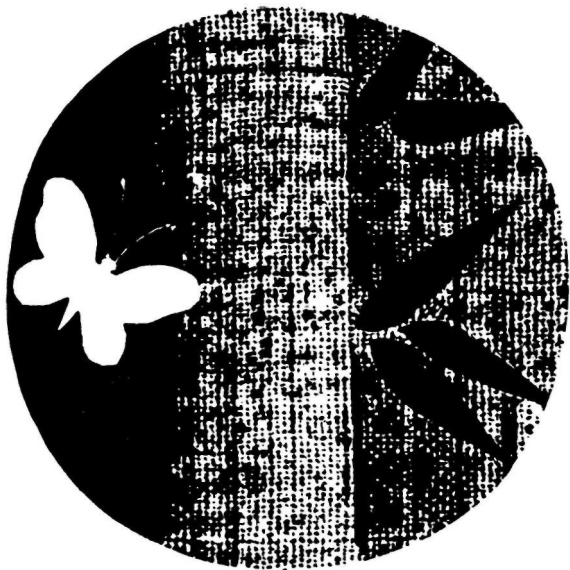
Волна на миг отбежала.
Среди маленьких раковин розовеют
Лепестки опавшие хаги.

* * *

Бабочкой никогда
Он уж не станет... Напрасно дрожит
Червяк на осеннем ветру.

*Я открыл дверь и увидел на западе
гору Ибуки. Ей не надо ни вишневых
цветов, ни снега, она хороша и сама
по себе*

Такая, как есть!
Не надо ей лунного света...
Ибуки-гора.

*На берегу залива Футами, где жил
поэт Сайгё*

Может, некогда служил
Тушечницей этот камень?
Ямка в нем полна росы.

* * *

Я осенью в доме один.
Что ж, буду ягоды собирать,
Плоды собирать с ветвей.

* * *

Холодный дождь без конца.
Так смотрит продрогшая обезьянка,
Будто просит соломенный плащ.

* * *

До чего же долго
Льется дождь! На голом поле
Жниво почернело.

* * *

Зимняя ночь в саду.
Ниткой тонкой — и месяц в небе,
И цикады чуть слышный звон.

В горной деревне

Монахини рассказ
О прежней службе при дворе...
Кругом глубокий снег.

Играю с детьми в горах

Дети, кто скорей?
Мы догоним шарики
Ледяной крупы.

* * *

Снежный заяц — как живой!
Но одно осталось, дети:
Смастерим ему усы.

* * *

Скажи мне, для чего,
О ворон, в шумный город
Отсюда ты летишь?

* * *

Проталина в снегу,
А в ней — светло-лиловый
Спаржи стебелек.

* * *

Весенние льют дожди.
Как тянется вверх чернобыльник
На этой заглохшей тропе!

* * *

Воробышки над окном
Пищат, а им отзываются
Мыши на чердаке.

* * *

Продавец бонитов идет.
Какому они богачу сегодня
Помогут упиться вином?

* * *

Как нежны молодые листья
Даже здесь, на сорной траве,
У позабытого дома.

* * *

Камелии лепестки...
Может быть, соловей уронил
Шапочку из цветов?

* * *

Дождик весенний...
Уж выпустили по два листка
Семена баклажанов.

* * *

Над старой рекой
Молодыми почками налились
Ивы на берегу.

* * *

Листья плюща...
Отчего-то их дымный пурпур
О былом говорит.

*На картину, изображающую человека
с чаркой вина в руке*

Ни луны, ни цветов.
А он и не ждет их, он пьет,
Одинокй, вино.

Встречаю Новый год в столице

Праздник весны...
Но, кто он, прикрытый рогожей
Нищий в толпе?

* * *

Замшелый могильный камень.
Под ним — наяву это или во сне? —
Голос шепчет молитвы.

* * *

Все кружится стрекоза...
Никак зацепиться не может
За стебли гибкой травы.

* * *

Ты не думай с презрением:
«Какие мелкие семена!»
Это ведь красный перец.

* * *

На высокой насыпи — сосны,
А меж ними вишни видны и дворец
В глубине цветущих деревьев...

* * *

Сначала покинул траву...
Потом деревья покинул...
Жаворонка полет.

* * *

Колокол смолк вдалеке,
Но ароматом вечерних цветов
Отзвук его плывет.

* * *

Чуть дрожат паутинки.
Тонкие нити травы сайко
В полумраке трепещут.

* * *

С четырех сторон
Вишен лепестки летят
В озеро Нио.

* * *

Минула весенняя ночь.
Белый рассвет обернулся
Морем вишен в цвету.

* * *

Жаворонок поет.
Звонким ударом в чаще
Вторит ему фазан.

* * *

Роня лепестки,
Вдруг пролил горсточку воды
Камелии цветок.

* * *

Ручеек чуть заметный.
Проплывают сквозь чащу бамбука
Лепестки камелий.

* * *

Весенний ветер.
Отозвалась на чьи-то голоса
Гора Микаса.

* * *

Вот причуда знатока!
На цветок без аромата
Опустился мотылек.

* * *

Майский дождь бесконечный.
Мальвы куда-то тянутся,
Ищут дорогу солнца.

* * *

Холодный горный источник.
Горсть воды не успел зачерпнуть,
Как зубы уже заломило.

* * *

Падает с листком...
Нет, смотри! На полдороге
Светлячок вспорхнул.

Ночью на реке Сэта

Любуемся светлячками.
Но лодочник ненадежен: он пьян —
И лодку уносят волны...

* * *

Как ярко горят светлячки,
Отдыхая на ветках деревьев!
Дорожный ночлег цветов!

* * *

И кто бы мог сказать,
Что жить им так недолго?
Немолчный звон цикад.

* * *

В старом моем домишке
Москиты почти не кусаются.
Вот все угощенье для друга!

* * *

Утренний час
Или вечерний, — вам все равно,
Дыни цветы!

* * *

И цветы и плоды!
Всем сразу богата дыня
В лучшую пору свою.

* * *

Хижина рыбака.
Замешался в груды креветок
Одинокий сверчок.

Один мудрый монах сказал: «Учение секты Дзэн, неверно понятое, наносит душам большие увечья». Я согласился с ним

Стократ благородней тот,
Кто не скажет при блеске молнии:
«Вот она — наша жизнь!»

* * *

Белый волос упал.
Под моим изголовьем
Не смолкает сверчок.

* * *

Больной опустился гусь
На поле холодной ночью.
Сон одинокий в пути.

* * *

Прозрачна осенняя ночь.
Далеко, до Семизвездия,
Разносится стук вальков.

* * *

«Сперва обезьяны халат!» —
Просит прачек выбить вальком
Продрогнувший поводырь.

* * *

Пугают их, гонят с полей!
Вспорхнут воробьи и спрячутся
Под защитой чайных кустов.

* * *

Даже дикого кабана
Закружит, унесет с собою
Этот зимний вихрь полевой!

* * *

Уж осени конец,
Но верит в будущие дни
Зеленый мандарин.

К портрету друга

Повернись ко мне!
Я тоскую тоже
Осенью глухой.

* * *

Ем похлебку свою один.
Словно кто-то играет на цитре —
Град по застрехе стучит.

В дорожной гостинице

Переносный очаг.
Так, сердце странствий, и для тебя
Нет покоя нигде.

* * *

Холод пробрал в пути.
У птичьего пугала, что ли,
В долг попросить рукава?

* * *

Сушеная эта макрель
И нищий монах, изможденный,
На холоде в зимний день.

* * *

Всю долгую ночь,
Казалось мне, стынет бамбук...
Утро встало в снегу.

* * *

Стебли морской капусты.
Песок закрипел на зубах...
И вспомнил я, что старею.

* * *

Поздно пришел мандзай
В горную деревушку.
Сливы уже зацвели.

* * *

Откуда кукушки крик?
Сквозь чащу густого бамбука
Сочится лунная ночь.

В деревне

Вконец отощавший кот
Одну ячменную кашу ест...
А еще и любовь!

* * *

Ночь. Бездонная тьма.
Верно, гнездо свое потерял —
Стонет где-то кулик.

* * *

Откуда вдруг такая лень?
Едва меня сегодня добудились...
Шумит весенний дождь.

* * *

Печального, меня
Сильнее грустью напои,
Кукушки дальний зов!

* * *

В ладоши звонко хлопнул я.
А там, где эхо прозвучало,
Бледнеет летняя луна.

Нахожу свой детский рисунок

Детством пахнуло...
Старый рисунок я отыскал, —
Ростки бамбука.

* * *

Майский докучный дождь...
Обрывки цветной бумаги
На обветшалой стене.

* * *

Что ни день, что ни день —
Все желтее колосья.
Жаворонки поют.

* * *

Уединенный дом
В сельской тиши... Даже дятел
В эту дверь не стучит!

* * *

Без конца моросит.
Лишь мальвы сияют, как будто
Над ними безоблачный день.

В ночь полнолуния

Друг мне в подарок прислал
Рису, а я его пригласил
В гости к самой луне.

* * *

Легкий речной ветерок.
Чай хорош! И вино хорошо!
И лунная ночь хороша!

* * *

Глубокою стариной
Повеяло... Сад возле храма
Засыпан палым листом.

Луна шестнадцатой ночи

Так легко-легко
Выплыла — и в облаке
Задумалась луна.

* * *

Откройте дверь!
Лунный свет впустите
В храм Укимидо!

* * *

Стропила моста поросли
«Печаль-травой»... Сегодня она
Прощается с полной луной.

* * *

Кричат перепела.
Должно быть, вечереет.
Глаз ястреба померк.

* * *

Вместе с хозяином дома
Слушаю молча вечерний звон.
Падают листья ивы.

* * *

Белый грибок в лесу.
Какой-то лист незнакомый
К шляпке его прилип.

* * *

Какая грусть!
В маленькой клетке подвешен
Пленный сверчок.

* * *

Варят на ужин лапшу.
Как пылает под котелком огонь
В эту холодную ночь!

* * *

Ночная тишина.
Лишь за картиной на стене
Звенит-звенит сверчок.

* * *

Блестят росинки.
Но есть у них привкус печали,
Не позабудьте!

* * *

Верно, эта цикада
Пеньем вся изошла?
Одна скорлупка осталась.

* * *

Опала листва.
Весь мир одноцветен.
Лишь ветер гудит.

* * *

Посадили деревья в саду.
Тихо, тихо, чтоб их ободрить,
Шепчет осенний дождь.

* * *

Чтоб холодный вихрь
Ароматом напоить, опять раскрылись
Поздней осенью цветы.

Хозяин и гость

Друг на друга нарцисс
И белая ширма бросают
Отблески белизны.

*Собрались ночью, чтоб любоваться
снегом*

Скоро ли свежий снег?
У всех ожиданье на лицах...
Вдруг зимней молнии блеск!

* * *

Скалы среди криптомерий!
Как заострил их зубцы
Зимний холодный ветер!

* * *

Сокол рванулся ввысь.
Но крепко охотник держит его —
Сечет ледяная крупа.

* * *

Вновь зеленеют ростки
В осенних полях. Под утро —
Иней точно цветы.

* * *

Все засыпал снег.
Одинокая старуха
В хижине лесной.

*Вернувшись в Эдо после долгого
отсутствия*

...Но, на худой конец, хоть вы
Еще под снегом уцелели,
Сухие стебли камыша.

* * *

Соленые морские окуни
Висят, ощеривая зубы.
Как в этой рыбной лавке холодно!

* * *

«Нет покоя от детей!»
Для таких людей, наверно,
И вишневый цвет не мил.

* * *

Есть особая прелесть
В этих, бурей измятых,
Сломанных хризантемах.

*Прохожу осенним вечером через старые
ворота Расёмон в Киото*

Ветка хаги задела меня...
Или демон схватил меня за голову
В тени ворот Расёмон?

Монах Сэнка скорбит о своем отце

Темно-мышинный цвет
Рукавов его рясы
Еще холодней от слез.

* * *

Уродливый ворон —
И он прекрасен на первом снегу
В зимнее утро!

Зимняя буря в пути

Словно копоть сметает,
Криптомерий вершины треплет
Налетевшая буря.

Под Новый год

Рыбам и птицам
Не завидую больше... Забуду
Все горести года.

* * *

Влюбленные коты
Умолкли. Смотрит в спальню
Туманная луна.

* * *

Незримая весна!
На обороте зеркала
Узор цветущих слив.

* * *

Всюду поют соловьи.
Там — за бамбуковой рощей,
Тут — перед ивой речной.

В горах Кисо

Покорна зову сердца
Земля Кисо. Пронзили старый снег
Весенние побеги.

* * *

С ветки на ветку
Тихо сбегает капли...
Дождик весенний.

* * *

Через изгородь
Сколько раз перепорхнули
Крылья бабочки!

Посадка риса

Не успела отнять руки,
Как уже ветерок весенний
Поселился в зеленом ростке.

* * *

Все волнения, всю печаль
Твоего смятенного сердца
Гибкой иве отдай.

* * *

Только дохнет ветерок —
С ветки на ветку ивы
Бабочка перепорхнет.

* * *

Как завидна их судьба!
К северу от суетного мира
Вишни зацвели в горах.

* * *

Разве вы тоже из тех,
Кто не спит, опьянен цветами,
О мыши на чердаке?

* * *

Дождь в тутовой роще шумит...
На земле едва шевелится
Больной шелковичный червь.

* * *

Еще на острие конька
Над кровлей солнце догорает.
Вечерний вьет холодок.

* * *

Плотно закрыла рот
Раковина морская.
Невыносимый зной!

* * *

Хризантемы в полях
Уже говорят: забудьте
Жаркие дни гвоздик!

Переезжаю в новую хижину

Листья бананов
Луна развесила на столбах
В хижине новой.

* * *

При свете новой луны
Земля в полумраке тонет.
Белой гречихи поля.

* * *

В лунном сиянье
Двигается к самым воротам
Гребень прилива.

* * *

Слово скажу —
Леденеют губы.
Осенний вихрь!

* * *

Ты, как прежде, зеленым
Мог бы остаться... Но нет! Пришла
Пора твоя, алый перец.

* * *

Ладят зимний очаг.
Как постарел знакомый печник!
Побелели пряди волос.

Ученику

Сегодня можешь и ты
Понять, что значит быть стариком!
Осенняя морось, туман...

Зимний день

Крошат на ужин бобы.
Вдруг удары в медную чашку...
Нищий монах, подожди!..

* * *

Пеплом угли подернулись.
На стене колышется тень
Моего собеседника.

* * *

Год за годом все то же:
Обезьяна толпу потешает
В маске обезьяны.

Памяти друга, умершего на чужбине

Ты говорил, что «вернись-трава»
Звучит так печально... Еще печальней
Фиалки на могильном холме.

Провожая в путь монаха Сэнгина

Журавль улетел.
Исчезло черное платье из перьев
В дымке цветов.

* * *

Дождь набегает за дождем,
И сердце больше не тревожат
Ростки на рисовых полях.

* * *

Кукушка вдаль летит,
А голос долго стелется
За нею по воде.

* * *

Изумятся птицы,
Если эта лютня зазвучит.
Лепестки запляшут...

* * *

Эй, послушайте, дети!
Дневные вьюнки уже расцвели.
Ну-ка, очистим дыню!

*Скорблю о том, что в праздник «Встречи
двух звезд» льет дождь*

И на небе мост унесло!
Две звезды, рекою разлучены,
Одинок на скалах спят.

*Оплакиваю кончину поэта Мацукура
Ранрана*

Где ты, опора моя?
Мой посох из крепкого тута
Осенний ветер сломал.

*Посещаю могилу Ранрана в третий день
девятого месяца*

Ты тоже видел его,
Этот узкий серп... А теперь он блестит
Над твоим могильным холмом.

Памяти поэта Годзюна

Погостила и ушла
Светлая луна... Остался
Стол о четырех углах.

* * *

Утренний вьюнок.
Запер я с утра ворота,
Мой последний друг!

* * *

Белых капель росы
Не проливая, колышется
Хаги осенний куст.

* * *

Первый грибок!
Еще, осенние росы,
Он вас не считал.

* * *

Как хризантемы расцвели
У каменщика на дворе
Среди разбросанных камней!

* * *

Петушьи гребешки.
Они еще краснее
С прилетом журавлей.

* * *

А вам и печали нет,
«Птицы сорокалетия» — сороки,
Что старость напомнили мне!

* * *

Убитую утку несет,
Выкрикивая свой товар, продавец...
Праздник Эбисуко.

Похвала угощению

Как сельдерей хорош
С далеких полей у предгорья,
Подернутых первым ледком!

* * *

Ни одной росинки
Им не уронить...
Лед на хризантемах.

* * *

Рисовой шелухою
Все осыпано: ступки края,
Белые хризантемы...

* * *

Примостился мальчик
На седле, а лошадь ждет.
Собирают редьку.

В старом господском доме

Давно обветшала сосна
На золоченых ширмах.
Зима в четырех стенах.

* * *

Утка прижалась к земле.
Платьем из перьев прикрыла
Голые ноги свои...

Новый мост

Все бегут посмотреть...
Как стучат деревянные подошвы
По морозным доскам моста!

* * *

Едкая редька...
И суровый, мужской
Разговор с самураем.

Перед Новым годом

Обметают копоть.
Для себя на этот раз
Плотник полку ладит.

*Увидев выставленную на продажу
картину работы Кано Мотонобу*

...Кисти самого Мотонобу!
Как печальна судьба хозяев твоих!
Близятся сумерки года.

* * *

О, весенний дождь!
С кровли ручейки бегут
Вдоль осиных гнезд.

* * *

Под раскрытым зонтом
Пробираюсь сквозь ветви.
Ивы в первом пуху.

* * *

С неба своих вершин
Одни лишь речные ивы
Еще проливают дождь.

* * *

Зеленая ива роняет
В мутную тину концы ветвей.
Час вечерний отлива.

* * *

Хотел бы создать я стихи,
С лицом моим старым несхожие,
О, первая вишня в цвету!

* * *

Я к цветущим вишням плыву.
Но застыло весло в руках:
Ивы на берегу!

*Поэту, построившему себе новый дом.
Надпись на картине моей собственной
работы*

Не страшны ей росы:
Глубоко пчела укрылась
В лепестках пиона.

* * *

Пригорок у самой дороги.
На смену погасшей радуге —
Азалии в свете заката.

* * *

Молния в тьме ночной.
Озера гладь водяная
Искрами вспыхнула вдруг.

* * *

По озеру волны бегут.
Одни о жаре сожалеют
Закатные облака.

* * *

Голос пролетной кукушки,
Отдыхая в тени листвы,
Слушают сборщицы чая.

Прощаясь с друзьями

Уходит земля из-под ног.
За легкий колос хватаюсь...
Разлуки миг наступил.

* * *

Голос летнего соловья!..
В роще молодого бамбука
Он о старости плачет своей.

* * *

На пути в Суруга
Аромат цветущих померанцев,
Запах листьев чая...

* * *

С темного неба гони,
О река могучая Ои,
Майские облака!

* * *

Весь мой век в пути!
Словно вскапывая маленькое поле,
Взад-вперед брожу.

На сельской дороге

Ношу хвороста отвезла
Лошадка в город... Трусит д о м о й, —
Бочонок вина на спине.

Ученикам

Не слишком мне подражайте!
Взгляните, что толку в сходстве таком?
Две половинки дыни.

* * *

Какою свежестью веет
От этой дыни в каплях росы,
С налипшей влажной землею!

* * *

Жаркого лета разгар!
Как облака клубятся
На Грозовой горе!

* * *

Образ самой прохлады
Кистью рисует бамбук
В рощах селенья Сага.

* * *

«Прозрачный водопад»...
Упала в светлую волну
Сосновая игла.

Актер танцует в саду

Сквозь прорези в маске
Глаза актера смотрят туда,
Где лотос благоухает.

На сборище поэтов

Осень уже на пороге.
Сердце тянется к сердцу
В хижине тесной.

* * *

Что за славный холодок!
Пятками уперся в стену
И дремлю в разгаре дня.

*Глядя, как пляшет актер, вспоминаю
картину, на которой нарисован
танцующий скелет*

Молнии блеск!
Как будто вдруг на его лице
Колыхнулся ковыль.

Посещают семейные могилы

Вся семья побрела на кладбище.
Идут, сединами уваленные,
Опираясь на посохи.

Услышав о кончине монахини Дзютэй

О, не думай, что ты из тех,
Кто цены не имеет в мире!
Поминовения день...

Снова в родном селенье

Как изменились лица!
Я прочел на них старость свою.
Все — словно зимние дыни.

* * *

Старая деревушка.
Ветки усеяны красной хурмой
Возле каждого дома.

* * *

Лунным светом обманут,
Я подумал: вишневый цвет!
Нет, хлопчатника поле.

* * *

Луна над горой.
Туман у подножья.
Дымятся поля.

* * *

Повисло на солнце
Облако... Вкось по нему —
Перелетные птицы.

* * *

Не поспела гречиха,
Но потчуют полев в цветах
Гостя в горной деревне.

* * *

Чем же там люди кормятся?
Домик прижался к земле
Под осенними ивами.

* * *

Конец осенним дням.
Уже разводит руки
Каштана скорлупа.

* * *

Только стали сушить
Солому нового сбора... Как рано
В этом году дожди!

* * *

Аромат хризантем...
В капищах древней Нары
Темные статуи будд.

* * *

Осеннюю мглу
Разбила и гонит прочь
Беседа друзей.

* * *

О, этот долгий путь!
Сгущается сумрак осенний,
И — ни души кругом.

* * *

Отчего я так сильно
Этой осенью старость почувял?
Облака и птицы.

В доме поэтессы Сономэ

Нет! Не увидишь здесь
Ни единой пылинки
На белизне хризантем.

* * *

Осени поздней пора.
Я в одиночестве думаю:
«А как живет мой сосед?»»

На одре болезни

В пути я занемог.

И все бежит, кружит мой сон

По выжженным полям.

СТИХИ ИЗ ПУТЕВОГО ДНЕВНИКА
«КОСТИ, БЕЛЕЮЩИЕ В ПОЛЕ»

Отправляясь в путь

Может быть, кости мои
Выбелит ветер... Он в сердце
Холодом мне дохнул.

* * *

Грустите вы, слушая крик обезьян!
А знаете ли, как плачет ребенок,
Покинутый на осеннем ветру?

* * *

Листья плюща трепещут.
В маленькой роще бамбука
Ропщет первая буря.

Прядка волос покойной матери

Если в руки ее возьму,
Растает — так слезы мои горячи! —
Осенний иней волос.

В саду старого монастыря

Ты стоишь нерушимо, сосна!
А сколько монахов отжило здесь.
Сколько вьюнков отцвело...

Ночлег в горном храме

О, дай мне еще послушать,
Как грустно валец стучит в темноте,
Жена настоятеля храма!

* * *

На забытом могильном холме
«Печаль-трава» разрослась... О чем
Печалишься ты, трава?

* * *

Мертвы на осеннем ветру
Поля и рощи. Исчезла
И ты, застава Фува!

* * *

Белый пион зимой!
Где-то кричит морская ржанка —
Эта кукушка снегов.

* * *

На утренней бледной заре
Мальки — не длиннее вершка —
Белеют на берегу.

Возле развалин старого храма

Даже «печаль-трава»
Здесь увяла. Зайти в харчевню?
Лепешку, что ли, купить?

*Мне невольно пришел на память мастер
«безумных стихов» Тикусай, бродивший
в былые дни по этой дороге*

«Безумные стихи»... Осенний вихрь...
О, как же я теперь в своих лохмотьях
На Тикусяя нищего похож!

* * *

Эй, послушай, купец!
Хочешь, продам тебе шляпу,
Эту шляпу в снегу?

* * *

Даже на лошадь всадника
Засмотришься — так дорога пустынна,
А утро такое снежное!

* * *

Сумрак над морем.
Лишь крики диких уток вдали
Смутно белеют.

* * *

Вот и старый кончается год,
А на мне дорожная шляпа
И сандалии на ногах.

* * *

Весеннее утро.
Над каждым холмом безымянным
Прозрачная дымка.

* * *

В храме молюсь всю ночь.
Стук башмаков... Это мимо
Идет ледяной монах.

Хозяину сливового сада

О, как эти сливы белы!
Но где же твои журавли, чародей?
Их, верно, украли вчера?

Посещаю отшельника

Стоит величаво,
Не замечая вишневых цветов,
Дуб одинокий.

* * *

Пусть намокло платье мое,
О цветущие персики Фусими,
Сыпьте, сыпьте капли дождя!

* * *

По горной тропинке иду.
Вдруг стало мне отчего-то легко.
Фиалки в густой траве.

* * *

Смутно клубятся во тьме
Лиственниц ветви, туманней
Вишен в полном цвету.

*В полдень присел отдохнуть в дорожной
харчевне*

Ветки азалий в горшке,
А рядом крошит сухую треску
Женщина в их тени.

* * *

Такой у воробышка вид,
Будто и он любит
Поле сурепки в цвету.

*После двадцатилетней разлуки
встречаюсь со старым другом*

Два наших долгих века...
И между нами — живые —
Вишен цветущих ветви.

* * *

Ну же, идем! Мы с тобой
Будем колосья есть по пути,
Спать на зеленой траве.

Узнаю о смерти друга

О, где ты, сливовый цвет?
Гляжу на цветы сурепки —
И слезы бегут, бегут.

Расстаюсь с учеником

Крыльями бьет мотылек.
Хочет их белому маку
Оставить в прощальный дар.

Покидая гостеприимный дом

Из сердцевины пиона
Медленно выползает пчела.
О, с какой неохотой!

* * *

Молодой конек
Щиплет весело колосья.
Отдых на пути.

СТИХИ ИЗ ПУТЕВОГО ДНЕВНИКА
«ПИСЬМА СТРАНСТВУЮЩЕГО ПОЭТА»

*В одиннадцатый день десятого месяца
отправляюсь в далекий путь*

Странник! Это слово
Станет именем моим.
Долгий дождь осенний...

* * *

«О, глядите, глядите,
Как темно на Звездном мысу!» —
Стонут чайки над морем.

* * *

До столицы — там, вдали —
Остается половина неба...
Снеговые облака.

* * *

Солнце зимнего дня.
Тень моя леденеет
У коня на спине.

* * *

Берег Иракодзаки.
Здесь, в пустынной дали,
Коршуна рад я увидеть.

* * *

Сколько выпало снега!
А ведь где-то люди идут
Через горы Хаконэ.

* * *

Все морщинки на нем разглажу!
Я в гости иду — любоваться на снег —
В этом старом платье бумажном.

* * *

А ну, скорее, друзья!
Пойдем по первому снегу бродить,
Пока не свалимся с ног.

В саду богача

Только сливы аромат
Приманил меня к застрехе
Этой новой кладовой.

Перед Новым годом

Пришел на ночлег, гляжу —
Зачем-то народ суетится...
Обметают копоть в домах.

* * *

Ей только девять дней,
Но знают и поля и горы:
Весна опять пришла.

* * *

Ключья трав прошлогодних...
Короткие, не длиннее вершка,
Первые паутинки.

*Там, где когда-то высилась статуя
Будды*

Паутинки в вышине.
Снова образ Будды вижу
На подножии пустом.

В саду покойного поэта Сэнгина

Сколько воспоминаний
Вы разбудили в душе моей,
О вишни старого сада!

Посещаю храмы Исэ

Где, на каком они дереве,
Эти цветы — не знаю,
Но ароматом повеяло...

Развалины храма на горе Бодайсан

Расскажи мне, какие печали
Видела эта гора в старину,
Ты, собирающий здесь коренья!

Встретившись с местным ученым

...Но прежде всего спрошу:
Как зовут на здешнем наречье
Этот тростник молодой?

Встречаю двух поэтов: отца и сына

От единого корня растут
И старая и молодая слива.
Обе льют аромат.

Посещаю бедную хижину

Во дворе посажен батат.
Заглушили его, разрослись у ворот
Молодые побеги травы.

* * *

В путь! Покажу я тебе,
Как в далеком Ё сино вишни цветут
Старая шляпа моя.

* * *

Едва-едва я добрел,
Измученный, до ночлега...
И вдруг — глициний цветы!

* * *

Парящих жаворонков выше
Я в небе отдохнуть присел —
На самом гребне перевала.

Водопад «Ворота Дракона»

Вишни у водопада...
Тому, кто доброе любит вино,
Снесу я в подарок ветку.

* * *

Лишь ценителю тонких вин
Расскажу, как сыплется водопад
В пене вишневых цветов.

* * *

С шелестом облетели
Горных роз лепестки...
Дальний шум водопада.

* * *

Вновь оживает в сердце
Тоска о матери, об отце.
Крик одинокий фазана!

* * *

Ушедшую весну
В далекой гавани Вака
Я наконец догнал.

Посещаю город Нара

В день рождения Будды
Он родился на свет,
Маленький олененок.

Расстаюсь в Нара со старым другом

Как ветки оленьего рога
Расходятся из единого комля,
Так с тобою мы расстаемся.

Посещаю дом друга в Осака

В саду, где раскрылись ирисы,
Беседу со старым другом вести —
Какая награда путнику!

*Я не увидел осеннего полнолуния
на берегу Сума*

Светит луна, но не та.
Словно я не застал хозяина...
Лето на берегу Сума.

* * *

Увидел я раньше всего
В лучах рассвета лицо рыбака,
А после — цветущий мак.

* * *

Рыбаки пугают ворон.
Под нацеленным острием стрелы
Кукушки тревожный крик.

* * *

Там, куда улетает
Крик предрассветный кукушки,
Что там? Далекий остров.

Флейта Санэмори

Храм Сумадэра.
Слышу, флейта играет сама собой
В темной гуще деревьев.

Провожу ночь на корабле в бухте Акаси

В ловушке осьминог.

Он видит сон — такой короткий! —

Под летнею луной.

РАНРАН

* * *

Осенний дождь во мгле!
Нет, не ко мне, к соседу
Зонт прошелестел.

CAMPU

* * *

Майские дожди!
Заплыла лягушка
В дом через порог.

* * *

Падавший с вечера снег
Утром в дождь обратился?
Это вина весны!

* * *

Ждут птенцы в гнезде.
Жаворонок залетел
Слишком высоко.

ГОНСУЙ

* * *

Смолк осенний вихрь.
Все, что от него осталось, —
Дальний шум волны.

СЁХАКУ

* * *

Звезды в небесах.
О, какие крупные!
О, как высоко!

去來

КЁРАЙ

* * *

Как же это, друзья?
Человек глядит на вишни в цвету,
А на поясе длинный меч!

На смерть младшей сестры

Увы, в руке моей,
Слабея неприметно,
Погас мой светлячок.

* * *

Какая прохлада!
Сквозь набежавший ливень —
Закатное солнце.

Расстаюсь с другом на горной дороге

Наверно, руки твои
Смешались с высокой травой
И машут мне издали вслед.

* * *

Жжет мне сверканьем глаза
Все — и деревья и камни...
Вновь после ливня жара!

* * *

Пахарь мотыгою бьет...
А кажется, он неподвижен
В дымке весенних полей.

* * *

«Да, да! Сейчас отворю!» —
Я отозвался, а всё стучат...
Ворота в глубоком снегу!

* * *

Летний день померк.
Лысые вершины вереницей —
Кучевые облака.

ИССЁ

* * *

Видели всё на свете
Мои глаза — и вернулись
К вам, белые хризантемы.

РАНСЭЦУ

* * *

Осенняя луна
Сосну рисует тушью
На синих небесах.

* * *

Тянется к северу
Вереница гусей вперемешку
С вереницей паломников.

* * *

Уволили старых слуг.
Как сильно разлука с ними
Печалит сердца детей!

* * *

Первый день в году.
Воробьи ведут на солнце
Длинный разговор.

* * *

Цветок... И еще цветок...
Так распускается слива,
Так прибывает тепло.

* * *

Свет этой яркой луны
Оголил, как темя монаха,
Море, холмы и поля.

* * *

Я в полночь посмотрел:
Переменила русло
Небесная река.

* * *

Набежавшая волна
Моеет уходящую...
Как прохладно на реке!

Предсмертная песня

Вот листок упал,
Вот другой летит листок
В вихре ледяном.

КЁРОКУ

* * *

Провел я как-то ночь
В опочивальне князя...
И все равно продрог.

* * *

Звучат голоса и там —
Над белыми облаками...
Это жаворонки поют.

* * *

Уток звонкий крик
Замок окружил кольцом.
Забелел рассвет.

ЯСУИ

* * *

Пускай озимых ростки
Щипали вы, гуси дикие,
Но грустно сказать вам «прости!».

木子由

РИЮ

* * *

Сквозь урагана рев,
Когда дрожит вся кровля,
Цикады слышен звон...

КИКАКУ

* * *

Яркий лунный свет!
На циновку тень свою
Бросила сосна.

* * *

Мошек легкий рой
Вверх летит — плавучий мост
Для моей мечты.

* * *

Вишни в весеннем цвету
Не на далеких вершинах гор —
Только в долинах у нас.

* * *

Нищий на пути!
Летом вся его одежда —
Небо и земля.

* * *

Ко мне на заре в сновиденье
Пришла моя мать... Не гони ее
Криком своим, кукушка!

* * *

Вот глупый соловей!
Он принял за тенистый лес
Бамбуковый плетень.

* * *

Ливень хлынул потоками.
Кого не обрадует свежесть цветов,
Тот — в мешке сухая горошина.

* * *

Первую песню весны
Поет соловей, повиснув
На ветке вниз головой.

* * *

Быстрая молния!
Сегодня сверкнет на востоке,
Завтра на западе...

* * *

Качается, качается
На листе банана
Лягушонок маленький.

* * *

Устали стрекозы
Носиться в безумной пляске...
Ущербный месяц.

* * *

А ведь раньше не было
Возле Фудзи этих гор!
Ясный вечер осени.

* * *

Ливень водопадом!
С громким криканьем у дома
Утки заметались.

* * *

Что это? Только сон?
Или вправду меня закололи?
След укуса блохи.

* * *

Камнем бросьте в меня!
Ветку цветущей вишни
Я сейчас обломил.

* * *

Туманится диск луны...
Два круга мерцают в тени ветвей:
Филин в мутных очках.

* * *

Как рыбки красивы твои!
Но если бы только, старый рыбак,
Ты мог их попробовать сам.

* * *

Посланный сперва
Ветку вишен отдал мне,
А письмо потом.

* * *

Я — светлячок полуночный.
Мне слаще всего полынь
У хижины одинокой.

* * *

Падает первый снег.
Я б насыпал его на поднос,
Все бы глядел да глядел.

* * *

Сливы аромат!
От лачужки нищего
Глаз не отвести.

* * *

Слушая строгий укор,
Опустила девушка голову,
Словно мак вечерней порой.

* * *

Это мой собственный снег!
Каким он кажется легким
На плетеной шляпе моей!

* * *

Середина ночи...
Брошена на льду, чернеет
Старая лодчонка.

* * *

Какая долгая жалоба!
О том, что кошка поймала сверчка,
Подруга его печалится.

* * *

Холодная зима.
В пустынном поле пугала —
Насесты для ворон.

* * *

Все его ненавидят,
А он живет да живет,
Словно зимняя муха.

Песня скорби

Звонят осенние цикады...
Но даже сонный храп его
Нам больше никогда не слышать.

* * *

Заплатила дань
Земному и затихла,
Как море в летний день.

* * *

Дня не пройдет весной,
Чтоб колокол не продали
В городе Эдо.

* * *

С треском шелка разрывают
В лавке Этигия...
Летнее время настало!

* * *

Свет зари вечерней!
На затихшей улице
Бабочки порхают.

* * *

Давайте сад поливать,
Пока насквозь не промокнут
Цикады и воробьи.

* * *

Спрячься, как в гнездышке,
Здесь, у меня под зонтом,
Мокрая ласточка!

* * *

Тяжелые створки ворот
Давно на замок закрыты...
Луна в морозную ночь!

В годовщину смерти Басё

Прошло уж десять лет,
А кажется, вчера его не стало...
Плакучей ивы тень!

* * *

Оскалив белые зубы,
Обезьяна хрипло кричит...
Луна встает над горою.

* * *

Утренняя звезда!
Нет среди вишен покоя
Облачку на горе.

* * *

Уплыли далеко ввысь
От криптомерий нагорных
Осенние небеса.

ОНИЦУРА

* * *

Некуда воду из ванны
Выплеснуть мне теперь...
Всюду поют цикады!

* * *

Паутина на ветке!
Вновь пахнуло жарой на меня
В этой летней роще.

* * *

Не из обычных людей
Тот, которого манит
Дерево без цветов.

* * *

Осень вернулась вновь,
Но дитя не сидит на коленях моих...
Одинокий, гляжу на луну.

ДЗЁСО

* * *

На зубец горы
С шумом стая опустилась
Перелетных птиц.

* * *

И поля и горы —
Снег тихонько все украл...
Сразу стало пусто!

* * *

Снега холодней,
Серебрит мои седины
Зимняя луна.

* * *

С неба льется лунный свет!
Спряталась в тени кумирни
Ослепленная сова.

* * *

Дятел стучит и стучит,
Ищет сухое дерево
Среди вишневых цветов.

* * *

Листья потонули.
Там они, на самом дне,
Устилают камни.

ИДЗЭН

* * *

Все глубже осенняя ночь.
Млечный Путь разгорается ярче
Над черной водою полей.

* * *

Алый цветок водяной
Ударом серпа срезаю
Меж набегающих волн.

* * *

Дрожат у коня на хвосте
Весенние паутинки...
Харчевня в полуденный час.

БОНТЁ

* * *

«Нижний город» в Киото...
Ночью посыпался дождь
На груди свежего снега.

* * *

Я шел по мосткам, и вдруг —
Там, в глубине потока,
Сквозят водяные цветы.

* * *

Облака в осеннем небе!
Верхние летят на юг,
Нижние спешат на север.

* * *

Не успели крикнуть: «Постой!» —
Как уже продавца карасей не видать...
Густо сыплется снег.

* * *

Молодая павлония!
Три листка облетят —
До нага разденется.

* * *

Вижу в лучах зари:
Набок склонились фиалки...
Это работа крота.

* * *

Какая длинная-длинная,
Бесконечная лента реки
По снежной равнине тянется!

* * *

Месяц на небе,
Один ты на свете товарищ
Бушующей буре.

* * *

Плывет гряда облаков...
Как бережно светлую луну
Она несет на себе!

КАКЭЙ

* * *

Бушует осенний вихрь!
Едва народившийся месяц
Вот-вот он сметет с небес.

Изваяние Будды

Молнии беглый свет!
Будды лицо озарилось
В темной дали полей.

* * *

Кружит осенний вихрь.
Как дрожит, как трепещет
Каждый листок на плуще!

ХОКУСИ

После пожара

Все сгорело дотла...
Но, по счастью, вишневый цвет
Уже облетел в саду.

支考

СИКО

* * *

О кленовые листья!
Крылья вы обжигаете
Пролетающим птицам.

* * *

Как я завидую тебе!
Ты высшей красоты достигнешь
И упадешь, кленовый лист!

РОКА

* * *

Гложет бродячий кабан
Молодые побеги бамбука...
Хижина в дальних горах.

ОЦУЮ

* * *

Уходящая осень
Красные листья кленов
По пути рассыпает.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

Перед казнью

Я сейчас дослушаю
В мире мертвых до конца
Песню твою, кукушка!

ТИЁ

* * *

За ночь вьюнок обвился
Вкруг бадьи моего колодца...
У соседа воды возьму!

* * *

Удочка в руке.
Чуть коснулась лески
Летняя луна.

* * *

Над волной ручья
Ловит, ловит стрекоза
Собственную тень.

На смерть маленького сына

О мой ловец стрекоз!
Куда в неведомой стране
Ты нынче забежал?

* * *

Полнолуния ночь!
Даже птицы не заперли
Двери в гнездах своих.

* * *

Роса на цветах шафрана!
Прольется на землю она
И станет простой водою...

Сочиняя стихи

Пока повторяла я:
«О кукушка, кукушка!» —
Рассвет уже наступил.

* * *

О светлая луна!
Я шла и шла к тебе,
А ты все далеко.

* * *

Только их крики слышны...
Белые цапли невидимы
Утром на свежем снегу.

Вспоминаю умершего ребенка

Больше некому стало
Делать дырки в бумаге окон.
Но как холодно в доме!

* * *

Какой уют веселый —
Нищего постель!
Всю ночь поют цикады...

РЁТА

* * *

Где же светлячки?
От людской погони
Скрылись на луне.

* * *

Осенняя луна.
О, если б вновь родиться
Сосною на горе!

ТАЙГИ

* * *

Качелей легкий взлет!
Привет от милой льется
С небесной высоты.

* * *

Так соловей поет,
Как будто прутьев клетки
Не видит пред собой.

* * *

Пчелы гневно погнались
За прохожим человеком —
И опять летят к цветам.

ТАЙРО

* * *

Холодный горный ключ.
На дне блестят монеты:
Их путник обронил.

不
白

ФУХАКУ

* * *

Как ноги сполоснуть?
Я замутить не смею
Прозрачную волну.

БУСОН

* * *

Воздушный змей в вышине...
А только вчера маячил
На том же месте другой.

* * *

На горной заставе
Такая маленькая жаровня.
Весенний холод.

* * *

Зал для заморских гостей
Тушью благоухает...
Белые сливы в цвету.

* * *

Печальный аромат!
Цветущей сливы ветка
В морщинистой руке.

* * *

Весенний брызжет дождь.
Отблески фонарика
На рукаве Цуна.

* * *

Тихий весенний дождь.
Ракушки на маленькой отмели
Он еле-еле смочил.

* * *

Поет соловей!
Как он раскрыл широко
Маленький клюв!

* * *

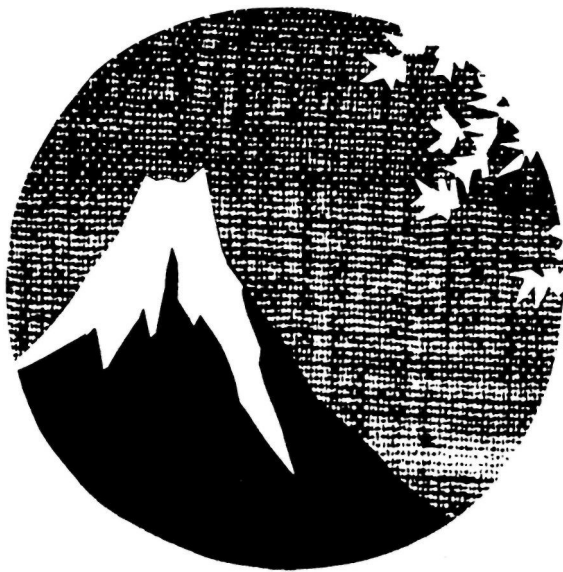
От этой ивы
Начинается сумрак вечерний.
Дорога в поле.

* * *

Луна сквозь дымку...
Лягушки пруд замутили.
Где вода? Где небо?

* * *

Долгие дни весны
Идут чередой... Я снова
В давно минувшем живу.

* * *

Комья свежей земли.
Льется на полевых улиток
Безучастный дождь.

В далекой деревушке

Звонко лает пес
На захожего торговца.
Персики в цвету!

* * *

Ночью ласточек крик.
Люди гонят и бьют змею...
Хижина в селе.

* * *

Крыльями шурша,
Из чертога золотого
Ласточка летит.

* * *

Крестьянин мотыгой бьет...
А возле храма, за рощей,
Колокол мерно звонит.

* * *

Жаворонок на заре.
Из-под рукава доспеха
Смотрит самурай.

* * *

Улетает стая гусей.
В каждом рисовом поле, в каждом
Затуманился круг луны.

* * *

Льет весенний дождь!
По пути беседуют
Зонтик и мино.

* * *

Высек кремнем огонь,
И вдруг в глубине колодца
Лягушки отозвались.

* * *

Юным вельможей
Оборотилась лисица...
Весенний вечер.

На празднике кукол

Коротконосная кукла...
Верно, в детстве мама ее
Мало за нос тянула!

* * *

Вот из ящика вышли...
Разве ваши лица могла я забыть?
Пара праздничных кукол.

* * *

Море весною
Зыблется тихо весь день,
Зыблется тихо...

* * *

Оттуда, где моря простор,
Светит весеннее солнце.
Вишни в цвету на горах!

* * *

Нет в Ё сино воров!
Цветущей вишни ветку
Никто не украдет.

* * *

Они прошли, дни весны,
Когда звучали далекие
Соловьиные голоса.

* * *

Весна уходит,
Но в нерешимости медлят
Поздние вишни.

* * *

Грузный колокол.
А на самом его краю
Дремлет бабочка.

* * *

Конец весенней поре.
Какой тяжелою стала
Лютня в моих руках!

* * *

Цветы сурепки вокруг.
На западе гаснет солнце.
Луна на востоке встает.

* * *

Сурепка в поле цветет...
Сегодня не видно было китов.
Темнеет морская даль.

Смена одежды с наступлением лета

Скрылись от господского меча...
О, как рады юные супруги
Легким платьем зимнее сменить!

* * *

Майские ливни долгие...
Возле большого потока
Два маленьких-маленьких домика.

* * *

Набежавшие волны
Моют голени синей цапли.
Ветерок вечерний.

* * *

В пору весенних ливней,
О, какой она страшной стала,
Безымянная речка!

* * *

Прорезал прямою чертой
Небеса над Хэйанской столицей
Кукушки кочующий крик.

* * *

Там, на вершине горы,
Замок белеет могучий
Над молодой листвой.

* * *

Змея сразив мечом,
Герой идет по долине
В тени молодой листвы.

* * *

Я поднялся на холм,
Полон грусти, — и что же:
Там шиповник в цвету!

* * *

Лишь вершину Фудзи
Под собой не погребли
Молодые листья.

* * *

С этой и с той стороны
Шум водопадов слышится
Сквозь молодую листву.

* * *

Чуть забрезжил рассвет.
Ускользнув от бакланов, играют
Рыбы в мелкой воде.

* * *

Хорошо по воде брести
Через тихий летний ручей
С сандалиями в руке.

* * *

Каменщик стучит,
Огненные искры
По ручью плывут.

* * *

Два или три лепестка
Друг на друга упали...
Облетает пион.

* * *

Иду, иду без конца!
Отдых — и снова иду, иду
В просторе летних лугов.

* * *

О, какая жалость!
Этот храм я миновал,
Там цветут пионы!

* * *

Коротка ты, летняя ночь!
Проплывают меж тростников
Пены легкие пузырьки.

* * *

Уходят сразиться друг с другом
Двое монахов-разбойников,
В летней траве исчеза...

* * *

«Форель в подарок вам!» —
Стучит глухою ночью
В ворота рыболов.

На мелеющей летней реке

Вниз по реке плывут
Форели, — и все выше
Растут отроги гор.

Статуя князя преисподней

Так ярко алеет рот
У князя Эмма, как будто
Он выплюнуть хочет пион.

* * *

Если двое зачерпнут
Каждый по одной пригоршне,
Замутится ручеек.

* * *

Прохладой веет ночь!
По тени собственной ступаю
На отмели речной.

* * *

Дрожит от подземных толчков
Переносный алтарь монаха...
Отдых на летнем лугу!

* * *

Прохладный ветерок.
Колокола покинув,
Плывет вечерний звон.

* * *

Старый колодец в селе.
Рыба метнулась за мошкой...
Темный всплеск в глубине.

* * *

Ливень грозовой!
За траву чуть держится
Стайка воробьев.

* * *

Под mosquitoным пологом
Выпустил я светлячков...
Сразу стало весело.

* * *

Возле самой дороги
Расцвели под ночным дождем
Брошенные кувшинки.

* * *

Зеленую сливу
Красавица надкусила...
Нахмурила брови.

* * *

Тихий звон комаров —
Каждый раз, когда облетает
Жимолости цветок.

* * *

С лаем набросились псы.
Спешит по пустынной улице
Прохожий на праздник Бон.

* * *

Скоро зайдет луна,
Пятеро неутомимых
Пляшут еще на лугу.

* * *

«И как я мог проиграть!» —
Всю ночь борец побежденный
Устало бормочет во сне.

* * *

Луна так ярко светит!
Столкнулся вдруг со мной
Слепец — и засмеялся...

* * *

Разбойничий атаман
И тот, наверно, песню сложил
В такую ночь о луне!

* * *

В зените луна.
По нищенской улице
Я тихо бреду.

* * *

Лампу зажгли в потемках...
Вдруг потеряли свой цвет
Желтые хризантемы.

* * *

Любитель цветов!
Ты стал неприметно
Рабом хризантем.

* * *

Выпала роса,
И на всех колючках терна
Капельки висят.

* * *

Нынче опять — в третий раз —
Поминальный фонарь я повесил.
Каплет с него роса.

Возле ручья, воспетого поэтом Сайгё

Ива опала,
Ручей иссох,
Голые камни...

* * *

Там и тут,
Там и тут вальки стучат,
Там и тут.

* * *

Осенний ветреный день!
Распевают песни в харчевне
Лесорубы и рыбаки.

* * *

С запада ветер летит,
Кружит, гонит к востоку
Ворох опавшей листвы.

* * *

Скоро ли друг мой придет?
Слышу шаги в отдаленье.
Пальй лист зашуршал.

* * *

Вспугнутый вор
Убегает по крыше...
Ночь холодна!

* * *

Грустное время!
Леску удочки натянул
Осенний ветер.

* * *

Любовь старика.
Только он думал: «Забуду», —
Осенний дождь.

* * *

«Буря началась!» —
Грабитель на дороге
Предостерег меня.

* * *

Осенний ветер
Мелкие камни бросает
В колокол храма.

* * *

Тонкие струйки сбегают
На корни камфарного дерева.
Осенний дождь морозящий.

* * *

Воет осенний вихрь.
Вдруг тяжело споткнулся
Конь на обратном пути.

* * *

Увядший осенний луг.
Сколько репьев прицепилось
К хвосту моего коня!

* * *

Луна все таяла, таяла...
Совсем ей пришел конец.
Как ночью безлунной холодно!

* * *

Осень. Я занемог.
Но, может быть, нынешний вечер
Завтра мне станет мил.

* * *

Горный ручей
Бежал все тише, все тише...
Ледок на дне.

* * *

Холод до сердца проник:
На гребень жены покойной
В спальне я наступил.

* * *

Скрежет пилы —
О, бедность, бедность! —
В полночь зимой.

* * *

Птичку грызет
Белка летяга
На зимнем лугу.

* * *

На две деревушки
Одна лавчонка ростовщика.
Зимняя роща.

* * *

Большой снегопад!
Скоро закроют заставу.
Близится ночь.

* * *

Луна сияет в зимней роще.
Я, глядя на нее, забыл
О поэтической печали.

* * *

На старом пруду
Две уточки... Зорко глядит
Хорек в камышах.

* * *

Унылый сумрак.
Солнце спряталось между камнями
На мертвом поле.

* * *

Водяные птицы!
На земле два паланкина
В облетевшей роще.

* * *

Ударил я топором
И замер... Каким ароматом
Повеяло в зимнем лесу!

РОЦУ

Перед Праздником Нового года

«Уходи! Уходи!» —
От всех дверей меня гонят...
Кончается старый год.

ГОМЭЙ

* * *

Вон бабочки снуют
Туда-сюда — все ищут
Ушедшую весну...

ГЁДАЙ

* * *

Лист летит на лист,
Все осыпались, и дождь
Хлещет по дождю.

КИТО

* * *

Я встретил гонца на пути.
Весенний ветер, играя,
Раскрытым письмом шелестит.

* * *

Ливень грозовой!
Замертво упавший,
Оживает конь.

* * *

Идешь по облакам,
И вдруг на горной тропке
Сквозь дождь — вишневый цвет!

月
居

ГЭККЁ

* * *

По выгоревшим полям
Тянется вдаль бесконечно
Сухое русло реки...

300

ХЯКУТИ

* * *

Из нашего села
Корову, что я продал,
Уводят сквозь туман.

ИССА

* * *

Воробышек-дружок!
Прочь с дороги! Прочь с дороги!
Видишь, конь идет.

* * *

В стране моей родной
Цветет вишневым цветом
И на полях трава!

* * *

Так кричит фазан,
Будто это он открыл
Первую звезду.

* * *

Стаял зимний снег.
Озарились радостью
Даже лица звезд.

* * *

Чужих меж нами нет!
Мы все друг другу братья
Под вишнями в цвету.

* * *

Смотри-ка, соловей
Поет все ту же песню
И пред лицом господ!

* * *

Как вишни расцвели!
Они с коня согнали
И князя-гордеца.

* * *

Пролетный дикий гусь!
Скажи мне, странствия свои
С каких ты начал лет?

* * *

Вновь прилети весной!
Дом родной не забудь.
Ласточка, в дальнем пути!

* * *

Нынче — как вчера...
Над убогой хижиной
Стелется туман.

* * *

О цикада, не плачь!
Нет любви без разлуки
Даже для звезд в небесах.

* * *

Стаяли снега, —
И полна вдруг вся деревня
Шумной детворой!

* * *

Укрывшись под мостом,
Спит зимней снежной ночью
Бездомное дитя.

* * *

Ах, не топчи траву!
Там светляки сияли
Вчера ночью порой.

* * *

Вот выплыла луна,
И самый мелкий кустик
На праздник приглашен.

* * *

Верно, в прежней жизни
Ты сестрой моей была,
Грустная кукушка...

* * *

Дерево — на сруб...
А птицы беззаботно
Гнездышко там вьют!

* * *

Я прилег в тени.
За меня толчет мой рис
Горный ручеек.

* * *

Ветки слив в цвету!
Сноп лучей луна бросает:
«Эту укради!»

* * *

Стаи диких гусей на жнивье...
И сегодня вновь не дочтемся
Мы в нашей деревне людей.

* * *

О, с какой тоской
Птица из клетки глядит
На полет мотылька!

* * *

По дороге не ссорьтесь,
Помогайте друг другу, как братья,
Перелетные птицы!

На смерть маленького сына

Наша жизнь — росинка.
Пусть лишь капелька росы
Наша жизнь — и все же...

* * *

О, если б осенний вихрь
Столько опавших листьев принес,
Чтобы согреть очаг!

* * *

Красная луна!
Кто владеет ею, дети,
Дайте мне ответ!

* * *

Тихо, тихо ползи,
Улитка, по склону Фудзи
Вверх, до самых высот!

* * *

В зарослях сорной травы,
Смотрите, какие прекрасные
Бабочки родились!

* * *

Я наказал ребенка,
Но привязал его к дереву там,
Где дует прохладный ветер.

Большой Будда в Камакура

Будда в вышине!
Вылетела ласточка
Из его ноздри.

* * *

Роса так быстро исчезла,
Как будто ей делать нечего
В нашем нечистом мире.

* * *

Не знаю, что за люди здесь,
Но птичьи пугала в полях —
Кривые, все до одного!

Наблюдаю бой между лягушками

Эй, не уступай,
Тощая лягушка!
Исса за тебя.

* * *

Печальный мир!
Даже когда расцветают вишни...
Даже тогда...

* * *

Так я и знал наперед,
Что они красивы, эти грибы,
Убивающие людей!

* * *

Быстро полетели!
Крылья выросли у денег
На исходе года.

* * *

А сколько дней
Катился вниз этот плод хурмы
К подножью холма?

В Сотогахаме

Знайте, отныне
Вы — дикие гуси Японии...
Спите спокойно!

* * *

Вишен цветы
Будто с небес упали —
Так хороши!

* * *

О да, я знаю, это по мне
Колокол вечерний звонит,
Но в тишине прохладой дышу.

* * *

Ой, не бейте муху!
Руки у нее дрожат...
Ноги у нее дрожат...

* * *

Олень лениво стряхнул
Бабочку со своей спины
И задремал опять.

* * *

Не гоните прочь
Овода, — он прилетел
Навестить цветы.

* * *

Муравьиная тропа!
Ты откуда к нам идешь?
Из-за облачной гряды?

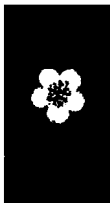
* * *

Всем сердцем я чту,
Отдыхая в полдневный жар,
Людей на полях.

* * *

О, до чего мне стыдно
Слушать, лежа в тени,
Песню посадки риса!

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 45. Мацуо Басё (Мунэфуса, 1644—1694). — Биографические сведения о нем приводятся в предисловии. Более подробно о жизни и творчестве Басё см. в книге: Басё. Лирика. Перевод с японского Веры Марковой. М, «Художественная литература», 1964.

Стр. 50. *Прозрачные мальки... Поймаешь — растают без следа.* — Мальки так прозрачны, что кажутся поэту льдинками: вот-вот растают...

Стр. 51. *День высокого прилива* приходится на третий день третьего месяца по лунному календарю. Картинка сельского быта на морском

побережье: в то время как рыбачки собирают морских моллюсков на берегу, крестьяне ищут съедобных улиток на заливных рисовых полях.

Ответ ученику. — Это стихотворение — своего рода отповедь поэту Кикаку. Намекая на известную поговорку «У каждого свой вкус, иной червяк и полынь ест», Кикаку утверждал за поэтом право на исключительность.

Стр. 53. *Не шелохнется ковыль.* — Имеется в виду несколько похожий на него мискант (*miscanthus sinensis*) — длинный стебель с метелкой.

В доме Кавано Сёха... — Басё, следуя старинному обычаю, нередко предпосылал стихам небольшие вступления, написанные лирической прозой. Здесь приводятся лишь немногие, наиболее интересные из них. Отдельные краткие вступления пояснительного характера принадлежат переводчику. Кавано Сёха был мастером чайной церемонии. Эстетика чайных церемоний была направлена на то, чтобы заставить забыть о «суетном мире».

Стр. 63. *Звон колокольный доплыл... Из Уэно или Асакуса?* — Уэно, Асакуса — разные районы города Эдо (Токио). Цветут вишни, в воздухе стоит дымка, даже звон колокола кажется смутным, приглушенным. Не поймешь, где он прозвучал.

Стр. 65. *Майские льют дожди.* — Пятый месяц по лунному календарю (май — июнь) в Японии — время сезонных дождей (самидарэ).

Стр. 73. *Мыс Иракодзаки* — южная оконечность полуострова Ацуми в нынешней префектуре Айти.

Стр. 76. *Мост над рекой Сэта*, длиной около 175 метров, был переброшен через реку в месте ее истока из озера Бива.

Ловля светлячков над рекой Сэта. — Ловля светлячков над рекой — одно из любимых летних увеселений в Японии. Поэт только что любовался вишнями, но еще словно видит их перед собою, и светлячки чертят огнем вдоль этой воображаемой картины.

Стр. 78. *Смотрю ночью, как проплывают мимо рыбацьи лодки с корморанами.* — Ловля рыб с помощью прирученных корморанов происходит ночью при свете факелов. Кормораны (обычно в лодке их двенадцать) ныряют в воду и достают рыбу своему хозяину, который удерживает их при помощи длинных поводков. Чтобы помешать ловчим птицам заглотать рыбу, на шею им надевается кольцо. По окончании охоты кольцо снимается, и кормораны получают свою долю добычи.

Стр. 80. *На горе «Покинутой старухи».* — С этой горы (Обасутэ) в ночь полнолуния от-

крывается красиво освещенный ландшафт. Название ее связано с легендой. В древности один человек, поверив лживым наговорам жены, отнес свою старую тетку, заменившую ему родную мать, на пустынную гору и покинул ее там. Но, увидев, как взошел над горою чистый лик луны, раскаялся в содеянном и поспешил принести старуху обратно домой.

Стр. 81. *Горы Кисо* находятся в нынешней префектуре Нагано. В старину там проходила одна из важнейших дорог Японии, связывавшая центр страны с северными ее областями.

Стр. 83. *Омовение в реке*. — Древний обряд очищения от скверны путем омовения совершался в шестом месяце по лунному календарю, то есть в разгар лета.

Стр. 86. *Гора «Солнечного света»* (Никко), высотой почти в 2500 метров, находится в нынешней префектуре Татиги, возле города Никко. На склонах ее расположены храмы.

Стр. 88. *Ядом дышит скала*. — В префектуре Татиги есть скала, возле которой из земли выходит ядовитый газ, убивая птиц и насекомых. Согласно легенде, в эту скалу обратилась убитая лисица. Поблизости поставлен камень с высеченным на нем стихотворением; традиция приписывает его Басё: «Облака одни // Могут пролететь в небесной вышине // Над тобой, скала».

Застава Сиракава в столице, сооруженная еще в начале V века, служила как бы воротами на север. Поэт Ноин (988—1050) посвятил ей знаменитое стихотворение: «Когда покидал я столицу, // Дорожным товарищем моим // Была весенняя дымка. // Но ветер осени свищет теперь // Над заставою Сиракава».

Стр. 91. *Могами* — судоходная река с очень быстрым течением, впадает в Японское море возле гавани Саката.

Стр. 93. *Праздник встречи двух звезд* (по-японски «Танабата»). — В ночь на седьмое число седьмого месяца по лунному календарю, согласно древней легенде, сороки строят мост через Небесную реку (Млечный Путь), чтобы дать возможность встретиться двум влюбленным звездам — Волопасу и Ткачихе (Вега и Алтаир).

...до острова Садо, стелется Млечный Путь. — Остров Садо находится в Японском море. Поэту кажется, что Млечный Путь протянулся к острову, словно мост.

Стр. 94. *Арисо* — старинное название залива в провинции Кага, ныне залив Тояма в одноименной префектуре. Название Арисо встречается в древней японской поэзии и потому богато поэтическими ассоциациями.

Стр. 96. *Равнина Мусаси* сравнительно велика для гористой Японии. На ней расположен город Эдо.

Шлем Санэмори. — Сайто Санэмори — знаменитый воин XII века. В легенде о нем рассказывается, что, будучи уже семидесятилетним старцем, он выкрасил свои волосы в черный цвет, перед тем как идти на битву. В храме Тода города Комацу провинции Кага хранился как реликвия шлем Санэмори, который он надел перед своим последним сражением.

Стр. 97. *Белее белых скал...* — Старая поэтическая традиция в Японии связывает с осенним ветром представление о белом, мертвенном цвете.

Стр. 106. *Нищий в толпе*. — Поэт хочет сказать, что под лохмотьями нищего может скрываться человек необыкновенный.

Стр. 109. *Озеро Нио* (Бива) — самое большое озеро Японии, известное своей красотой.

Стр. 110. *Гора Микаса* находится у города Нара; отражая звуки, она будто бы откликается на голоса прохожих.

Стр. 114. *Замешался в грудку креветок одинокий сверчок*. — Рисунок на спине сверчка напоминает узор на панцире креветки, поэтому отличить сверчка среди креветок нелегко.

Один мудрый монах сказал... — Стихотворение направлено против «мыслителей», часто и не к месту повторяющих давно уже не новые слова о быстротечности человеческой жизни. Басё, вероятно, хочет сказать, что «наносит душам увечья» наигранный пессимизм.

Стр. 119. *Песок заскрипел на зубах...* — Это неприятное чувство вызывает у поэта еще более неприятные ассоциации.

Мандзай — странствующий певец, исполнявший новогодние песни и пляски.

Стр. 126. *Храм Укимидо* (Плавающий храм) — выстроен на берегу озера Бива таким образом, что кажется, будто он плывет по воде.

Стропила моста поросли «печаль-травой»... — Имеется в виду знаменитый мост над рекой Сэта. «Печаль-травя» — род папоротника (*davallia bulbata*).

Стр. 127. *В маленькой клетке подвешен пленный сверчок.* — В Японии и Китае стрекодущих насекомых (сверчков, цикад) держат в доме в маленьких клетках, как певчих птиц.

Стр. 133. *Расёмон* — название южных городских ворот в городе Киото. Эти ворота, воздвигнутые в начале IX века, были по тому времени значительным архитектурным сооружением, но стояли они в пустынном месте, скоро об-

ветшали, и про них в народе было сложено много страшных легенд. Ворота Расёмон считались прибежищем демонов и разбойников.

Стр. 138. *К северу от суетного мира...* — Отшельники в Японии обычно селились в северных горах.

Стр. 142. *Зимний день.* — В средневековой Японии бродячие монахи просили подаяния, вызывая хозяев из дома ударами в маленький гонг.

Стр. 143. *Обезьяна толпу потешает...* — В Японии существовал обычай во время новогоднего праздника водить по городу обезьяну. Для потехи на нее надевали обезьянью маску. Люди смеялись, не замечая, что и они, нарядившись к празднику, тоже, в сущности, ничуть не изменились.

Стр. 144. *Исчезло черное платье из перьев...* — Согласно древней китайской легенде, отшельники-чародеи могли летать на журавлях.

Стр. 146. *Тодзюн (умер в 1693 г.)* — отец Кикаку, талантливый поэт школы Басё.

Стр. 148. *«Птицы сорокалетия».* — Сорокалетие считается в Японии «первой старостью».

Стр. 149. Праздник *Эбисуко* справлялся двенадцатого числа девятого месяца по лунному календарю в честь Эбису, бога-покровителя торговли. Вид убитой утки печально контрастирует с веселым оживлением на торговых улицах города.

Стр. 150. *Давно обветшала сосна* — то есть стерся рисунок на ширме в обедневшем доме.

Стр. 153. *Кано Мотонобу (1476—1559)* — знаменитый художник, сочетавший в своей живописи традиции японского искусства с китайским классическим стилем Сунской эпохи. Так как в Японии было принято расплачиваться с долгами к Новому году, то появление в лавке картины кисти Кано Мотонобу могло говорить только о разорении какого-то богатого дома.

Стр. 158. *На пути в Суруга...* — Суруга — название старой провинции в центре Японии (ныне префектура Сидзуока), славившейся производством чая. Басё сложил это стихотворение во время своего последнего путешествия в 1694 году.

Ои — река длиной в 120 километров, впадает в залив Суруга. В средневековой Японии запрещалось переправляться через нее на лодке или переходить ее по мосту. Можно было только переходить вброд или пользоваться услугами носильщиков. Это создавало большие трудности для путников, особенно во время дождей.

Стр. 160. *Saga* — пригород Киото, известный своими бамбуковыми рощами.

Стр. 161. *Актёр танцует в саду*. — Актеры в старинном японском театре «Ню» надевали маски.

Стр. 162. *Услышав о кончине монахини Дзютэй*. — Во время своего последнего путешествия Басё получил грустную весть о смерти монахини Дзютэй (ее прежнее имя неизвестно), которая была подругой его молодости. Она скончалась в шестом месяце 1694 года. В свое время Басё дал приют ей и ее трем детям в своей «Банановой хижине» и заботился о них до самой своей смерти.

Стр. 166. *В капищах древней Нары...* — Город Нара, бывший в VIII веке столицей Японии, славится своими древними храмами.

Стр. 167. *Сономэ (1664—1726)* — талантливая поэтесса, жена врача в городе Осака, принимала поэта у себя в доме незадолго до его смерти.

СТИХИ ИЗ ПУТЕВОГО ДНЕВНИКА «КОСТИ, БЕЛЕЮЩИЕ В ПОЛЕ»

Стр. 172. *...грустно валец стучит в темноте*. — В поэзии Китая и Японии стук валька по мокрому белью — традиционный мотив осенней печали.

Застава Фува на стыке провинций Оми и Мино многократно воспета поэтами древности.

Стр. 174. *Мне невольно пришел на память мастер «безумных стихов» Тикусай.* — Бродяга Тикусай был героем одной из популярных повестей XVII века. «Безумные стихи» (кека) — жанр японской поэзии: танка в комическом стиле.

Стр. 177. *Фусими* — во времена Басё южное предместье города Киото. В стихотворении иносказательно выражено приветствие другу, увидев которого поэт пролил слезы радости.

СТИХИ ИЗ ПУТЕВОГО ДНЕВНИКА «ПИСЬМА СТРАНСТВУЮЩЕГО ПОЭТА»

Стр. 182. *«Письма странствующего поэта».* — В оригинале этот дневник носит название «Ои-но кобуми», то есть письма из ои — небольшой сумы, которую буддийские монахи носили на шее. В ней хранились священные изображения и дорожные принадлежности.

Стр. 184. *...люди идут через горы Хаконэ.* — Хаконэ — цепь высоких гор в центре главного острова Японии — Хонсю; к этой цепи принадлежит и знаменитая гора Фудзи. Перевал через горы Хаконэ зимою считался одним из самых трудных мест Токайдоского тракта, соединявшего города Киото и Эдо.

Стр. 186. *В саду покойного поэта Сэнгина.* — Поэт Сэнгин (Тодо Еситада, 1642—1666) был сыном феодала, у которого служил Басё. Общая любовь к поэзии соединила знатного юношу и простого слугу, но Сэнгин рано умер.

Стр. 187. *Посещаю храмы Исэ.* — Синтоистские храмы в провинции Исэ были сооружены в глубочайшей древности и с тех пор периодически восстанавливаются в прежнем виде. Главный из них посвящен культу богини солнца Аматаэрасу.

Развалины храма на горе Бодайсан. — Гора Бодайсан находится в провинции Исэ, поблизости от долины, где жил поэт Сайгё. Стоявший на ней некогда храм ко времени Басё превратился в руины.

Стр. 190. *Крик одинокий фазана!* — В японской народной поэзии фазан — символ родительской любви, потому что не покидает своих птенцов, когда поле выжигают огнем.

Стр. 191. *Ушедишю весну...* — Гавань Вака находится в провинции Кий (ныне префектура Вакаяма). Басё смотрел перед этим на вишни в горах Есино, но печальные мысли мешали поэту радоваться весне. И только здесь, на берегу воспетой поэтами гавани Бака, он впервые почувствовал радость весны.

Посещаю город Нара. — В городе Нара, где до

сих пор бродят на свободе стада оленей, торжественно празднуется день рождения основателя буддийской религии Шакиямуни (8 апреля).

Стр. 193. Храм *Сумадэра* находится в городе Кобэ.

Стр. 195. Мацукура *Ранран* (1647—1693) — современник Басё, самурай по происхождению; оставив службу, он поселился в Эдо и стал изучать поэзию под руководством Басё.

Стр. 196. Сугияма *Сампу* (1647—1732) — ученик Басё; торговец рыбой в городе Эдо.

Стр. 198. Икэниси *Гонсуй* — известный поэт, уроженец города Нара.

Стр. 199. Эса *Сёхаку* (1650—1722) — поэт школы Басё; врач из города Оцу провинции Оми.

Стр. 200. Мукаи *Кёрай* (1651—1704) — ученик Басё; сын ученого конфуцианца, профессиональный учитель поэзии.

Стр. 204. Косути *Иссё* (1653—1688) — поэт школы Басё; торговец чаем в городе Канадзава.

Стр. 205. Хаттори *Рансэцу* (1654—1707) — ученик Басё; самурай низшего ранга, впоследствии монах, житель Эдо.

Стр. 206. *Тянется к северу вереница гусей...* — Весной гуси улетают на север; туда же, к далеким горам, идут паломники, и поэту кажется, что гуси замешались в их толпу.

Уволили старых слуг. — Слуг в Японии обычно нанимали на год, от весны до весны.

Стр. 210. Морикава *Кёроку* (1656—1715) — ученик Басё; поэт и художник; самурай по происхождению.

Стр. 212. Окада *Ясуй* (1658—1743) — ученик Басё; торговец в городе Нагоя.

Стр. 213. Коно *Рию* (1662—1705) — ученик Басё; настоятель буддийского храма Мёсёдзи в городе Хирата провинции Оми.

Стр. 214. Такараи *Кикаку* (1661—1707) — ученик Басё; сын врача, профессиональный учитель поэзии.

Стр. 218. *А ведь раньше не было...* — Иными словами, воздух так прозрачен, что видны даже невысокие холмы предгорья, точно они вдруг выросли там, где их раньше не было.

Стр. 224. *Дня не пройдет весной...* — Это и следующее за ним стихотворение восхваляют оживленную торговлю в Эдо, где с треском разрывают шелка в лавках и даже продают в день по храмовому колоколу.

Стр. 228. Камидзима *Оницура* (1661—1738) — выдающийся поэт-новатор; в своих теоретических работах заложил новые основы поэтики хокку, требуя от него прежде всего жизненной правды. «Вне правды нет хокку», — утверждал *Оницура*.

Стр. 230. Найто *Дзёсо* (1662—1704) — ученик *Басё*; самурай, впоследствии монах.

Стр. 231. *Спряталась в тени кумирни ослепленная сова.* — В старину на дорогах Японии устраивались небольшие кумирни, под навесом ставилось изображение буддийского божества.

Стр. 232. *Листья потонули...* — Оптический обман: сквозь прозрачную воду на дно падают тени листьев.

Стр. 233. *Хиросэ Идзэн* (?—1711) — ученик *Басё*; странствующий поэт.

Над черной водою поля. — Имеются в виду рисовые поля, залитые водою.

Стр. 235. *Нодзава Бонтё* (?—1714) — талантливый ученик *Басё*; по профессии врач. Быстро прославился как поэт, но попал в тюрьму, и дальнейшая судьба его неизвестна.

«*Нижний город*» в *Киото*... — *Киото* делился на две части: в «*Нижнем городе*» жили простые люди, в «*Верхнем городе*» — аристократы.

Стр. 240. Ямамото *Какэй* (1648—1716) — ученик Басё; самурай, впоследствии врач в городе Нагоя.

Стр. 242. Татибана *Хокуси* (?—1718) — ученик Басё; ремесленник в городе Канадзава.

Стр. 243. Кагами *Сико* (1665—1731) — ученик Басё; буддийский священник, впоследствии врач.

Стр. 245. *Рока* (1671—1703) — ученик Басё; настоятель храма Дзуйсэндзи в городе Инами провинции Эттю.

Стр. 246. Накагава *Оцую* (1675—1739) — поэт школы Басё; уроженец провинции Исэ.

Стр. 247. *Перед казнью*. — Неизвестный, приговоренный к смертной казни, услышал на эшафоте песню кукушки и сложил свое прощальное стихотворение. Считалось, что кукушка поет в царстве мертвых.

Стр. 248. *Тиё* из Кага (1703—1775) — родилась в провинции Кага, была женой бедняка. Рано овдовев и потеряв маленького сына, она постриглась в монахини и посвятила себя поэзии, которой занималась под руководством поэта Сико, последователя Басё.

Стр. 250. *Сочиняя стихи*. — Тиё в юности посетила одного приезжего поэта и просила его

стать ее учителем. Тот дал девушке тему «ку-кушка» и заснул, а Тиё сочиняла стихотворение всю ночь. Услышав его утром, поэт был восхищен и сказал девушке, что она не нуждается в учителях.

Стр. 253. Осима *Рёта* (1707—1787) — родился в городе Осима провинции Синано, житель Эдо. Был очень популярен в свою эпоху, превосходя известностью Бусона, имел множество учеников и издал более двухсот сборников своих произведений.

Где же светлячки? — Любимым развлечением японцев в июне является ловля светлячков. Охотники за светлячками отправляются на берег озера или реки. Пойманных светлячков выпускают в сад или вешают клетки с ними под крышей дома.

Стр. 255. Суми *Тайги* (1709—1771) — житель Киото. Один из наиболее известных поэтов Японии XVIII века. Писал под влиянием китайской поэзии изящные лирические стихи о любви.

Стр. 257. Ёсивакэ *Тайро* (?—1778) — поэт школы Бусона, самурай из провинции Ава, жил в городе Осака.

Стр. 258. Каваками *Фухаку* (1714—1807) — ученик Рёта; занимался торговлей в городе Осака.

Стр. 259. Еса Бусон (1716—1783) — родился в деревне Кэма провинции Сэтью. Подлинное его имя неизвестно. Есть основания предполагать, что он был сыном деревенского старосты. Рано осиротев, уехал в Эдо, где изучал поэзию и живопись. В 1751 году переселился в Киото. Много путешествовал по Японии, прожил три года в живописной местности Еса в провинции Танго. Название этой местности стало его прозвищем. Бусон — его поэтический псевдоним; как художник он был известен под именем Тэсо.

Бусон создал новую оригинальную школу в поэзии, имел множество учеников. Оставил большое поэтическое наследие.

Стр. 261. *Отблески фонарика на рукаве Цуна.* — Цуна — имя знаменитой гейши в Киото. Держа в руке небольшой фонарь, разодетая в шелка, гейша идет ночью по городской улице.

Стр. 266. *Мино* — соломенный плащ для защиты от дождя.

Стр. 267. *На празднике кукол.* — В Японии 3 марта для девочек устраивается «Праздник кукол» («Хина-матури»). В этот день детям показывают особые куклы: одеты они в старинные придворные костюмы, изображают микадо с супругой и его двор. Но у одной из кукол слишком короткий нос... Наверное, мама-кукла не тянула ее за нос, приговаривая по обычаю: «Нос, расти, расти скорей!»

Вот из ящика вышли... — Стихотворение изображает чувства девочки. Раз в год вынимают из ящика пару кукол. Но разве можно их забыть?

Стр. 272. *Небеса над Хэйанской столицей.* — Хэйан — древнее название города Киото.

Стр. 273. *Змея сразив мечом...* — Стихотворение сочинено на тему древней легенды о том, как бог Сусанно, изгнанный с небес за буйство, спустился на землю в стране Идзумо, победил восьмиглавого змея, который хотел пожрать прекрасную девушку, — и взял его пленницу себе в жены.

Стр. 274. *Чуть забрезжил рассвет.* — В Китае и Японии для ловли рыбы (чаще всего форели) используют ручных бакланов. См. прим. к стр. 78.

Стр. 276. *Уходят сразиться друг с другом...* — Бродячие монахи часто становились грабителями на больших дорогах.

Стр. 277. *Статуя князя преисподней.* — Князь Эмма (по-санскритски Яма) — божество индийского происхождения, верховный судья в царстве мертвых; изображается краснолицым демоном с торчащими изо рта клыками.

Стр. 295. *Роцу* (1716? — 1756?) — поэт школы Басё; профессиональный нищий. Поэтический псевдоним его означает «Бредущий по дороге».

Стр. 296. Ё сикава *Гомэй* (1730—1803) — поэт из города Акита; писал в стиле данрин, позднее находился под влиянием поэзии Басё.

Стр. 297. Като *Гёдай* (1732—1792) — известный поэт, приверженец старого стиля тэймон в поэзии; житель города Нагоя.

Стр. 298. Такаи *Кито* (1741—1789) — поэт школы Бусона; житель города Киото.

Стр. 300. Эмори *Гэккё* (1745—1824) — ученик Бусона; простолудин из города Киото.

Стр. 301. Тэрамура *Хякути* (1748—1836) — ученик Бусона; житель Киото, сын торговца.

Стр. 302. Кабаяси *Исса* (1763—1827) — родился в горной деревне Касивабара уезда Ками-Миноти провинции Синано в семье крестьянина. Мать умерла, когда Исса был ребенком, а мачеха обращалась с ним так жестоко, что четырнадцать лет от роду ему пришлось идти «в люди». Он отправился в Эдо и долгие годы боролся там с нуждой. Только на склоне лет Исса смог получить свою долю наследства и жить в достатке.

В Эдо Исса изучал хокку под руководством поэтов школы Кацусика, основатель которой, Ямагути Содо, был последователем Басё. Исса много странствовал, он оставил богатое поэтическое наследие: более шести тысяч хокку, дневники, шуточные стихи.

Стр. 303. *Цветет вишневым цветом и на полях трава!* — Трава в японской поэзии метафорически обозначает народ.

Стр. 307. *О цикада, не плачь!* — См. прим. к стр. 93.

Стр. 309. *За меня толчет мой рис горный ручеек.* — Картина крестьянского труда: вода горного ручейка приводит в движение небольшую мельницу.

Стр. 310. *Стаи диких гусей на жнивье...* — Осенью, когда прилетают гуси, крестьяне уходят из деревни в город на заработки.

Стр. 313. *Большой Будда в Камакура.* — В старинном городе Камакура находится бронзовая статуя Будды (Дайбуцу) высотой 15 метров; создана в 1252 году выдающимся мастером Ою Гороэмоном.

Стр. 315. *Крылья выросли у денег на исходе года.* — В Японии, как и в Китае, существовал обычай расплачиваться с долгами в конце года.

Сотогахاما — место на северо-западном побережье Японии, на территории нынешней провинции Муцу, куда раньше всего прилетают дикие гуси с азиатского континента.

СОДЕРЖАНИЕ

В. Маркова. Предисловие 5

ТРЕХСТИШИЯ

Басё	45
Стихи из путевого дневника	
«Кости, белеющие в поле»	169
Стихи из путевого дневника	
«Письма странствующего поэта»	182
Ранран	195
Сампу	196
Гонсуй	198
Сёхаку	199
Кёрай	200
Иссё	204

Рансэцу	205
Кёроку	210
Ясуй	212
Рию	213
Кикаку	214
Оницура	228
Дзэсо	230
Идзэн	233
Бонтё	235
Какэй	240
Хокуси	242
Сико	243
Рока	245
Оцую	246
Неизвестный автор	247
Тиё	248
Рёта	253
Тайги	255
Тайро	257
Фухаку	258
Бусон	259
Роцу	295
Гомэй	296
Гёдай	297
Кито	298
Гэккё	300
Хякути	301
Исса	302
Примечания	321

И(Яп)
Я70

ЯПОНСКИЕ ТРЕХСТИШИЯ

Хокку

Редактор

Г. Ярославцев

Художественный редактор

Ю. Коннов

Технический редактор

С. Журбицкая

Корректоры

Г. Сурис и Л. Фильцер

Сдано в набор 15/IX 1972 г. Подписано
в печать 22/1 1973 г. Бум. мелованная
84X1087¹/₆₄. 5,37 печ. л. 9,03 усл. печ.
п. 5,39 уч.-изд. л. Тираж 25 000 экз.
Заказ 3235. Цена 1 р. 51 к.

Издательство «Художественная
литература», Москва, Б-78, Ново-
Басманная, 19

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени
А. А. Жданова Союзполиграфпрома
при Государственном комитете Совета
Министров СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли
Москва, М-54, Валовая, 28

